

Э. В. СРХАРН

СТИХИ

**ПЕРСВОД
В. ФЕДОРОВА**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922г.**

Э. ВЕРХАРН

СТИХИ

В ПЕРЕВОДАХ

ВАС. ФЕДОРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва □ □ □ □ □ □ □ □ 1922

Э. ВЕРХАРН

СТНХН

В ПЕРВОЕ ДАХ
ВАС. ФЕДОРОВА

Гиз. 2143.

Р. Ц. Москва, № 1791.

5.000 экз.

16-я типография М. С. Н. Х. Трехпрудный, 9.

В зимнее небо, равнины скрывая,
Тень поднимает огромные стелы —
Строительные стелы,
Старые стелы.

Мир
Жаль
Станут
Воздух
Ужас
Тихо...
Время размерным ударом ломает.

Шведом тяжелым трагический молот —
Мерных двенадцать в печали звучав;
Вечности звяки — как глыбы упали
На горда.

Жоржу Роденбаху

ТИТУЛЬНЫЕ УКРАШЕНИЯ

В зимнее небо, равнины скрывая,
Тень поднимает огромные стены,—
Строит гробницу... Все те же, без смены,
Старые звезды железно сверкают.

Мир этот медный—тревогой, обидой—
Жадно сжимает, как камни сурово,
Тусклые камни, что для молодого
Станут народа воинственным идиолом.

Воздух застылый стросенья кусает.
Ужас глубокий молчаньем воздетый...
Тихо... Лишь колокол, ночью одетый,
Время размерным ударом ломает.

Шмелем тяжелым трагический молот—
Мерных двенадцать в печали звучали:
Вечности знаки—как глыбы упали
На город.

Вам, к небу грузному подъятые, громады
 Отчаяний, утешных этих зим
 И белый холод и—пощады!.. О, пощады!..—
 Туман на руки лиственниц как дым.

Вечерний снег, великое молчанье.

Надменность камня, голоса гранита
 И битва сумерек,—здесь старый гром смежил
 Эпохи давние,—и солнца свет сердито
 Язвит и дразнит вас, напомнив мятежи.

Вечерний снег, великое молчанье.

О, хватит с вас минувших дней и муки,
 Чтобы замкнуться в символ роковой,
 Трагические скалы,—немы, глухи,
 В недвижности застыньте вековой!

Вечерний снег, великое молчанье!

Усните вы, бессонные на звездах,
 Вот саван инея для вас—он бел и тих,—
 Мерцающих ночей сквозящий воздух
 И вот зима... вам, скалы мук людских!

Вечерний снег, великое молчанье.

Собаки безнадежности, собаки злых ветров
Кусают эхо черное осенних вечеров.
Тень ощупью взбирается безмерной пустотой
К луне, лучем буравящей зеркальный водопой.

Далеких светов точками запаян хоровод.
В равнины беспредельные, в безбрежности болот
Раскиданы, разбросаны собачьи голоса,
И к ночи пробираются в огромные леса.

Бегут пути вечерние, сплетаются в кресты.
Туманы молчаливые из края пустоты
Текут и расплываются безмерною волной
По далям, где сгущается холодный мрак ночной.

Вам, к небу грузному подъятыс, громады
Отчаяний, утесных этих зим
И белый холод и — пошады!.. О, пошады!.. —
Туман на руги ливневный как дым

Тают в тумане комья земли.

Медленно тают сквозные осины.

Осень. Узлы ручейков из-под тины

С кружевом пены, — всё тает вдали.

Хрупкие зовы — усталые звоны,

Ослабевающе тая, плывут.

Тая куда-то бредут и бредут

Нищие... песни их — жуткие стоны.

Вёсел хромающих взмахи... Одна,

Плавно и грузно, унылая птица,

Черным комком поднимаясь, кружится

В серое небо, где вянет луна.

Усните вы, бессонные на звездах.

Вот саван иней для вас — он бел и тих, —

Мерцающих ночей сквозящий воздух

И вот зима... вам, скалы мук людских!

Вечерний снег, великое молчанье.

На плаху склонилась ты головой своей...
 Ударит колокол, ножа пробьется жало —
 И крикнут мускулы в сверкании огней...
 На пирах... и крови и мегалла.

И соизде...
 Карбун...
 Караю...
 Сомни...
 Толпа...
 Возьмет...
 Труп...

Толпа, порочная как дерево с плодами...
 Созревших ядов, станет над тобой
 И память о тебе взнесет над головами
 Кинжалом, блещущим кровавою игрой.

На плаху склонилась ты головой своей...
 Ударит колокол... ножа пробьется жало...
 И крикнут мускулы в сверкании огней...
 На пирах... и крови и мегалла.

*Тэо ван Риссельбергу
Вилли Шлобах
Дарио де Регойос*

НРАВСТВЕННОЕ УРОДСТВО

Плавно и грузно, унылая птица,
Черным комком поднимаясь, кружится
В серое небо, где вьвет луна.

На плаху склонишься ты головой своей...
 Ударит колокол, ножа проблещет жало—
 И крикнут мускулы в сверкании огней
 На пиршестве кровавого металла.

И солнце рдяное и вечер, цвета серы,
 Карбункулы рассыпав над землей,
 За преступления лиричные, без меры
 Карающую смерть увидят над тобой.

Сомкнет вокруг тебя свой океан безбрежный
 Толпа преступная,—как любящая мать
 Возьмет твой гроб, чтобы с любовью нежной
 Труп окровавленный баюкать и качать.

Толпа, порочная как дерево с плодами
 Созревших ядов, станет над тобой
 И память о тебе взнесет над головами
 Кинжалом, блещущим кровавою игрой.

На плаху склонишься ты головой своей...
 Ударит колокол... ножа проблещет жало...
 И крикнут мускулы в сверкании огней
 На пиршестве и крови и металла.

Проказы страйнигом, модэд миньуд тртэято эдэТ
 И болнисе,
 Оно—в крови,
 Молчи и слушай, сердце,
 — Обида ночи, отравленная рана,—
 О, слушай вой, стареющее сердце,

С мечем в руке насмешкой брошенном
Пророчествует кто-то тайный:
Ты должен стать ничем,— узнай—
Твое грядущее: одна печаль о прошлом
— оляж тэшэдорп вжон дококоя тнрдв
Отяжелевшее, разломанное тело
С закваской этой крови древней,
Износится; прижавшись неумело
К окну, увидишь жизнь летящей суеверней.
И нервы нежные твои—уже без соков—
Сплетутся в узел... Вялые от скуки
Прижмешь ко лбу—гробнице грез—ты руки,—
И ночь зеркальная раскинется широко.
О, если бы бежать! Но звездная усталость
Угрюмым сводом станет над тобою,
И напоен тупою пустотою
Ты онемеешь; и свинцово вялость
— подот дьн тэнэтс водр хншэвэз
Изнемогающая вдруг заполнит вены,
Бескровьем обесцветит губы даже.
Тогда душа, постигшая измены,
Знамена шумные не вспомнит, не развяжет.
Тогда пред одиноким и безмолвным
Предстанет молодость магнитом бесполезным,
Огромные глаза заглянут вдаль—и бездны
Тебе ответят буйным бегом молний.

Зимняя пора

Вот доги ноября; вот ветер, иней, снег...
О, сердце старое, усталое от муки,
Прислушайся к вою; эти звуки
Щемящие—отчаяния бег
В пустую смерть, в ничто...
Лишь эхо вторит...
О, слушай же!..
Проказы струпьев небо.
Оно—в крови.
Молчи и слушай, сердце,
— Обида ночи, отвращения рана,—
О, слушай вой, стареющее сердце,
И, гулкое, в ответ
Что небо?—Полно гноя,
И больное,
Отгорает свет.
Что ж, заморозь в... мертвая—ясная ясность—
Что ж, заморозь в... от муки, все слезы!

Протяжный вой спящего тумана!
Ноябрьских догов вой замедленно-унылый
На поседевшую от дряхлости луну
В каменно-жуткую слепую тишину
Однообразный и застылый.

Деревья слез и осени рябины
В твоих глубоких снах. О, желтые сады,
Где падают вечерние плоды!
Озера мук твоих—блистающей полночи
Недвижно-фосфорические очи.
И саваны снегов, укрывшие окрестность
И распростертые в слепую неизвестность,—
То саваны твоей тоски...

В разрухи
Былых равнин спускает с цепи муки
Седая память...
И мерзлой ночью
Там эхо сторожит и отражает
Злой вой... Оно с тобой рыдает...
И прислушайся к нему!.. пойми его... А впрочем...

О, если бы бежать! Но звездная усталость
Угрюмая сводом стает над тобой,
И напоен тупой пустотой
Ты онемел, онемел, онемел,
О, сердце старое, уставшее от
Прислушанья к войам и войам
Премудрое—отважное—внимательное
Тогда душа постигает
Знаменья твоего, знаменья твоего,
Где эхо встает...
Тогда пред тобой встает
Предстанет твоя
О, сердце твое—Полночь твоя
Твоя ступенька—небеса
И бодрое
Оно—в крови
Молчи и слышишь сердце
— Однажды ночью
О, слышишь вой, слышишь сердце

Луны мороза по гротам ночной позолоты—
Лезвием сталь, серебро и железные гвозди.
Твой, о безмолвная ночь, этот колющий воздух
Дикой причудой меня замыкающий в гроты.

Вот мое сердце—кинжалам твоей тишины,
Вот моя воля—для саванов в тихом гробу.
Ясная чуждая полночь, мой факел задут.
Копьям твоим мои лучшие грезы даны.

В даях твоих отгорают огни моих глаз,
Брошены руки в объятье—в руках пустота,
Окоченелая полночь, тиха ты, пуста,
Как и души утомленной печальный рассказ.

Взгляд твой застылый недвижим, недвижим и слеп;
Жуткой тревогой отчаянья злого томя,
Взгляд твой фиксирует долго упрямо меня.
Строит зима ледяной опрозраченный склеп.

Кончено все... И усилия напрасны!.. Морозы
Мир пронизали, сковали они бесконечность.
Полночь спокойная, мертвая—ясная вечность—
Что ж, заморозь в моем сердце все муки, все слезы!

Совсем уйти в себя,— какая это грусть!
Стать как кусок сукна, что без рисунка пуст.
Уйти в себя, молчать, не отзываться,
И где-то в уголке лениво разлагаться.

Какая грусть!.. убить желанье жить
И перестать знамена жизни вить.

И притаиться в складках сожалений,
Печали, страхов, злости и сомнений.

Ни дрожи шелковой, ни светотени сладкой,
Но точками, в себе, горячие булавки.

О, пук спрессованный, что брошен на полу!
Какая это грусть!.. В луче, в слепом углу.

И чувствовать, что даже пряный рот
Замазан в клейкий плесенный налет.

Спеленатому в скуку замыкаться
В глухую ночь... быть скукой... разлагаться,

Но, медленно переплетая руки,
Все грызть стихи болезни и разрухи.

ЧЕРНЫЕ ФАКЕЛЫ

— В городе азартно
По перекресткам
Женщина
Ты где ждешь,
Женщина в черном с умишкой жесткой?
Кого ждешь?

— Псы погребальных надежд воют по мне вечерами,
Воят на луну моих трауром схваченных глаз,
Завтраку злобно зубами
На луну молчалим скорованных глаз,
Воят как без конца, вечерами
Воят на луну траурных глаз.

Какое шествие позальных похорон
В конце моих волос псов этих псов пленяет?
Завяньте безер или тела тон,
И в золотом руно сверкает?

Со всем уйти в себя — такая это грусть!
Стать как кусок стекла, что был раньше целым.

Уйти в себя, познать,
И где-то в углу души

Какая грусть, забыть желанье жить,
И перестать дышать жизнью!

И прятаться в складки
Печали, страха, в

На зыбкой шаткой
Но судимы, в

О как спрессован
Какая это грусть, в луче, в слезе, в углу

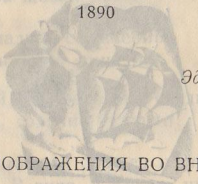
И чувствовать, что даже прищесть рот
Замалак в клейкий плесенью мазет.

Сидеть дома, в скулу закрываться
И глухую боль, быть глухой, разлагаться,

Ты мерзливо и стучатся руки,
Поднять слова, белган и разруши.

ПЕРВЫЕ
ОБРАЗЫ

1890

Эдмону Пикару

ОТБРАЖЕНИЯ ВО ВНЕ

Женщина в черном

Всё сметает на своём пути
И в горах хромых хвостов
Видя, ужаса царящего,
Алой крови безумных восторгов...

— Ужас и ослепление
Столько томительных дней ты жила
Женщина в черном с усмешкой жесткой
Кого ждешь?

— Так жди
— Старое солнце тусклым жаром

Кинуло золото по тротуарам
Город, как женщина, в страсти
Танцует к солнцу. Огни мерцающей цепью
И бредят медленно.

— В городе злато-эбеновом
По перекресткам
Неведомо
Куда ты идешь,
Женщина в черном с усмешкой жесткой?
Кого ждешь?

— Псы погребальных надежд воют во мне вечерами,
Воют на луны моих трауром схваченных глаз,
Лязгают злобно зубами
На луны, молчанием скованных глаз,
Воют они без конца, вечерами
Воют на луны траурных глаз.

Какое шествие печальных похорон
В копне моих волос всех этих псов пленяет?
Движение бедер или тела тон,
Что золотым руном сверкает?

— Женщина в черном, с усмешкой жесткой,
На перекрестке
Кого ждешь?

— Какой же горизонт, набатом возмущенный,
Волной моих грудей их гонит в черный рай,
И на губах моих какой волшебный край
Валгалла обещает пораженным?

Я—ужас и огонь неистребимой власти
Для этих псов,
Что лижут всю меня в порыве ярой страсти,—
Когда любой из них и смерть принять готов...

— Так много прошло утомительных дней,—
Кого же ты ждешь все сильнее и сильнее?

— Мои руки вонзаются жадно,
Разжигая пожары в крови,—
Но бегут к ним, бегут неоглядно
Ненасытные в жажде любви.

Мои зубы, как камни из золота,
Украшают сверкающий смех...
Я прельщаю, как смерть, без возврата
И как смерть я доступна для всех.

Я скитальцам усталым и жалким
Предлагаю мерцающий сон,
И тело даю: катафалк им
Для безумства в свечах похорон

Я дарю им грызущую память
О пришествии к царским вратам,
Вознося мое тело, как пламя,
Богохульств к голубым небесам.

Поднялась я над веком железным,
Словно башня в закатном огне.
Я—погибель. Я—темная бездна
Все клянут,—но приходят ко мне,

И разрушенным сердцем алкают,
Злобу в бешенстве страсти тая...

Омерзительна я, да,—я знаю,—
Но продажная ласка моя—

Все сметает на пурпуре оргий...
Вейся, ужаса царственный плащ!
Алой крови безумны восторги...
Я—любви беспощадный палач.

—Столько томительных дней ты идешь,
Женщина в черном, с усмешкой жесткой,—
Кого ждешь
На перекрестках?

— Старое солнце тускнеющим жаром
Кинуло золото по тротуарам.
Город, как женщина, в страстной печали
Тянется к солнцу. Огни засверкали
Мерцающей цепью... Пробил мой час.
И бродят медлительно,
И воют томительно
Собаки в зрачки моих траурных глаз.

Галлюцинируют глаза собак,—я вижу,—
Но что они найдут вдоль тела у меня?
Волной грудей измучу их, томя,
Но ни к каким свершеньям не приближу.

Да и сама я знойной лихорадкой
Заражена в дрожаньи губ моих,—
Какие ж горизонты болью сладкой
Влекут меня на вой безумный их?

Что за огонь безумства, вихрь кошмара
По перекресткам гонит пред собой
Меня, как пламя буйное пожара,
Царицу властную безвольною рабой?

— Минуло много томительных дней
На перекрестках,—

С усмешкою жесткой
Кого же ты ждешь все сильнее и сильнее?

— Сегодня—может быть—замкнется хоровод;
Придет единственный, по ком грустит мой сон,—
По тайной воле Рока он придет...
Кто будет он?

Безумие, как мука без предела,
Волнует груди,—и они немеют;
Оно в руках моих, не раз убивших смело,
Бежит огнем,—и побледнело тело...
Глаза мои бояться не умеют.
На всякий ужас я давно согласна:
Я—высшая вершина всех соблазнов!..

Кто встретит эту ночь в моем чулане?

— Женщина в черном, с усмешкой жесткой,
На перекрестке
Кого ждешь?

— Того, кто нож оставит в ране!

И Т О Н Ж

Под небом мертвым и бесстрастным,
 Холодно-черным, как металл,
 Усталый молот замолчал,
 И ночь встает полно и властно.
 Усталый молот, замолчал,
 Усталый молот, что кораллы
 Дробил в огнистые опалы.

Там только глыба ледяная,
 Бескрайно-мертвая луна,
 Совсем бессветная,—она
 Обнажена плывет, мерца.
 Бескрайно-мертвая луна,
 Являя золотые круги,
 Восходит ступенями вьюги.

Она, как девственные сны,
 Дорогой звездных излучений
 В зеркальном лоне отражений
 Едва мерцающей страны,
 Дорогой звездных излучений
 Бредет на кладбище теней
 Из храма факельных огней.

Под этим небом без движенья,
 Где черный факел зло горит,
 В забвении могильных плит
 Луны вершится погребенье.

Взвеш

— Сегодня — может быть — заикнется хоровод:
Придет единственный, по ком грустят мой сон,
По тайной воле Рока он придет...
Кто будет он?

Безумие, —
Волнует груди, —
Оно в руках моих,
Бежит огнем —
Глаза мои бояться не
На всякий ужас
Я — высшая вершина

Кто встретит эту
— Женщины в черном
На черкесте
Кого ждешь?
— Того, кто нож

Златисточерные бегут сквозь вечер кошки.

„Над жизнью, формами ее в эфире чистом,
Абстрактным мышленьем еще не возмущенном,
Непостижимом и лучистом,
Над Миром неовеществленным
Тот безначальный свет лучится строго,
Что говорит о всеединстве Бога,
Разлившего в Мирах свою предвечность.
Кому дано измерить бесконечность?
Седые мудрецы с вершин высоких гор,
Где горизонт раскинулся широко,
Пронзительно глядясь в открывшийся простор, —
И те не различают очертанья
Струящегося в Мир безмерного сиянья
Из-за предельного далекого далека“.

Златисточерные те кошки пробежали
Сквозь сумрак вечера; они проскрежетали:

„Кристаллы светлые, нависшие над морем,
Нестройным морем образов, явлений,
В недвижности их стылых становлений,
Кристаллы светлые, светящие над морем,
В безбрежность мечущим волнистые затеи.
Платон, твои прекрасные и чистые идеи,—
Из них встает, растет и гибнет переменный
Мир сущностей, ежесекундно-гленный“.

Златисточерные те кошки пробежали
Сквозь сумрак вечера, они проскрежетали,
И протянули когти к звездам чистым.

„Сквозь гроты глаз, ушей, открытых широко
На неисчисленные тайн земных сверканья,
Оранжевых огней своих сиянья
Мир наших чувств рассеет далеко.
Воспоминаний цепь сплетется в мысль, и твердо,
Уверенно—на мачтах черной ночи—
Она умчится в даль, наметив путь короче,
В морях Миров развеяв парус гордый.
Вот Эпикур, мечтатель убежденный.
Его открытый лоб, пестро изборожденный
Морщинами, впитавший едкий сок
Науки всех веков, пленительно высок“.

Златисточерные те кошки пробежали
Сквозь сумрак вечера,—они проскрежетали,
Пролязгали, как цепь, разорванно-огнисто,
И протянули когти к звездам чистым.

„На отдых, жалкий ум! В экстазе откровений
Церковных твой покой от прежних заблуждений.
Пусть все софизмы мысль погасит беззаботно,
И тусклым золотом восточным на полотнах

Икон благочестивых мирно спит.
Вот небо христиан,—оно испепелит
Ночные стены,—и единове́рца
Зальется верой, словно светом, сердце.
Рассудок снежный, спи! Растопит властный лед
Тот добрый Пастырь, что стада ведет
По ясным пастбищам в прозрачную безбрежность.
Любовь, одна любовь,—ее покой и нежность“.

Златисточерные те кошки пробежали
Сквозь сумрак вечера,—они проскрежетали...
В моей душе—из дали к новой дали—
Огненным вихрем кошки пробежали.

„Помыслить, усомниться в мысли,—значит: быть.
Вот первое окно для внутреннего света.
Идея врождена,—идеи не избыть.
Мы бесконечность мыслим,—значит: где-то
Есть бесконечность... Бог нам не солжет.
Душа—готических соборов острый взлет.
Она—смычок, и музыкой безвестной
Живится тело, инструмент чудесный“.

Сквозь душу мою пробежали
Огненные черные кошки.
Как буря вечерней печали,
Как яростный вихрь урагана,
Как гребни валов океана,
Те огненно-черные кошки.

„Вот разум, неизменный, непреложный,
В извилах мозга кроясь, полновластно
Он управляет опытом, бесстрастно
Определяя верный шаг и ложный.
Возникший раньше чувств, понятий,—властелин
Всего живущего.— О, только он один
Доверия бескрайнего достоин
К невозмутимой глубине глубин
Его склоняется философ, мысли воин“.

Чернеющие кошки пробежали
Сквозь сумрак вечера, они проскрежетали,
И зеркало моих открытых глаз
Царапали когтями в звездный час.
Душа растерзана, она от крови ала,
Агонизирует; мечта моя устала
От их укусов, и затрепетала.
И сердце мне пронзили смерти жала.

„Последний цвет в лесу существований,
Спустя миллионы дней, рассеянных вдали,
По воле случая на пастбищах земли
Пророс причудливо среди других созданий
На стебле „человек“ махровый „разум“ цвет.
Едино вещество, единая и сила,—
Различия меж ним и всей Вселенной нет.

Сквозь бесконечность цепью лет и лет
Его влечет—куда?—застылая могила.
И Мир за Миром тайно возникает,
И каждый вкруг него вращает факел свой;
Затерянный в их вечности немой,
По всем дорогам человек блуждает.

Вот кошки черные перебежали вечер
И мельница болезней паруса,
Напруженные ветром грозной сечи,
Развеяла в лдяные небеса.
О глыбы зимние и вихри урагана
Я бился головой, и в муке умирал,—
За раной новая вдруг открывалась рана,—
Но в умирании самом я воскресал.
И каждый вечер Вечность восставала
Вокруг меня спиралями обвала,
Внезапный страх, мучительно-великий
Мне горло стягивал, как петля,—умирал
Без хрипа я, без стопа и без крика...
А кошки золотые, в тишине,

Усевшись на стене,
Глазами черными в глаза смотрелись мне.
Безумием светясь необычайным, хном окутанным
Горели их глаза непостижимой тайной
Мозг мой пылал... в немом оцепенении
За мигот миг летел, за часом длился час...
Я застывал от боли без движения,
Не отрывая истомленных глаз,
Не отрывая глаз своих упорных
От взгляда кошек золотисто-черных.

Сквозь
В м...
Огн...
Прор...
На ст...
Помы...
Едино...
Вот...
Идея...

Мы...
Есть...
Это...
Она...
И...
Зат...
По...
Сквозь...
Огн...
Как...
Как...
Как...

Вот...
И...
На...
Раз...
О...
Вот...
За...
Но...
И...
Вок...
Виз...
Мне...
Вс...
А...

Равнины, суждено ль покою
Найти мне, в ваших плавных тканях?

Вы, ткани добрые, спокойные, как руки,
О, как бы вы могли утишить боль сердец
Отравленных скудным рыданием муки,
Когда б не заплелся на нас венец
Химерных вышивок, блестящих безобразно
Сквозь шелк и золото отточенных ногтей
Размахом крыльев яростно-алмазных...

Химеры, албыше — и вышуклы и резки, —
Кустарники сверкающих камней —
Вспоздли на плавные поляны занавески.

Они приковывают взгляд
Враждебным блеском и час тревожный,

Утешься на стене, и в глаза смотрелись мне,
Глазами черными в глаза смотрелись мне,
Безумия светясь необычным,
Горели их глаза неопостижимой тьмой,
Мозг мой пыласт... и в самом оцепенении
За мигон шаг лезла, за часом длился час,
Я застывал от боли без движения,
Не отрывая истомленных глаз,
Не отрывая глаз своих упорных
От взгляда кошек золотисто-черных.

Полю Синьяк

Занавески

Моя душа заключена
В лохмотья этой занавески
Что блеском притупил
...и рвется и ищет

Так... Четко выпуклы и резки
Химеры вышиты по ткани голубой
Они кажутся размером как пробы
На дисках золотых и хинизвожых
Скажете: ортого боюсь в взглядех
Мне их в пингмо розарми
И глаз, подобно хиниоду
Вонзается в волю, словно криву

На занавесках голубых
Химеры вышиты красиво.
Сквозь злость насмешек их пустых
Глядится небо молчаливо.

Язвят их длинные извивы
Покой равнины шерстяной,
Волной прозрачно-голубой
Вниз упадающей лениво...
Химеры эти сердце ранят...

Равнины, суждено ль покой
Найти мне, в ваших плавных тканях?

Вы, ткани добрые, спокойные, как руки,
О, как бы вы могли утишить боль сердец
Отравленных скупым рыданьем муки,
Когда б не заплелся на вас венец
Химерных вышивок, блестящих безобразно
Сквозь шелк и золото отточенных когтей
Размахом крыльев яростно-алмазным...

Химеры, злобные—и выпуклы и резки,—
Кустарники сверкающих камней—
Всползли на плавные поляны занавески.

Они приковывают взгляд
Враждебным блеском в час тревожный

Мерцаньем трепетным и ложным
Их когти острые горят.
Как звезды из-за хмурой тучи,
Причуды их миражны и летучи...

Чудовища сплетенные из ниток,
Игра затейная, из перламутра свиток,
Из блестков золота, закованных в узоре,
Скажите: отчего боюсь я взлетов их
И глаз, подобных гроздьям молний в море,
Вонзающимся в волны, словно крик?

Зачем они скользнули в ткани,
Такие четкие? Ужель, — чтоб душу ранить

На занавесках старых, плавных
Я различал в былые дни
Цветы, каких-то птиц забавных, —
И, светло-алые, они
В садах из шелка пролетали,
И в сердце, полное печали,
Покой и радость продиwали...

На голубых и молчаливых,
Как небо, занавесках этих
Вдруг злобно выросли извивы
Химер... О, кто же мне ответит:
Зачем они пронзили ткани?

Узор кошмарный душу ранит...
Душа в плену у шелковистых
Чудовищ этих золотистых.
Когтистым клювом злобной пасти
Душа разорвана на части...
Под взмахом их огнистых крылий
Душа в агонии бессилий...
Мои ль безумства и печали
На занавесках здесь восстали?

О, пытка ужаса!.. Терзанья
Невыразимого страданья:

Ноябрь

Моя душа заключена
В лохмотья этой занавески,
Что блесок пагубных полна...

Так... Четко-выпуклы и резки,
Химеры вышиты по ткани голубой,—
Они качаются размерно, как прибой...
Бессилен я... Все безнадежно-грозно...
Мне не найти покоя,—слишком поздно!

В сердце лютя неувядающе, покорные торжественной доле.

Назави и вперсе... дзвнн и вперсе...

Ветер свистит, ветер свистит.

Ты не забудь!

— Старое солнце, ослепло.

— В сердце Ноябрь настает.

Нынче коняние смотрятся в дужке.

Первая пина в тумане встает.

В мёртвенной слюже

Стон бесконечный звудит.

— В сердце Ноябрь настает.

О, вперсе вперсе нте

В тумане и хопе отяжеляюне

Под звон пердебрявийный...

... Н плав и стон неувядающий

В моей душе оно дождно

Звонкий жвадой бессызвой!

Листья осенние, цвета дрождей и печали,
 Поле, безрадостным полем летят из-за дали...
 Листья осенние скорби моей, моей боли
 В сердце летят неустанно, покорные горестной доле.

Назад и вперед... назад и вперед...
 Ветер свистит, ветер ревет,
 Тучи он рвет—
 Тучи, летящие пеплом.
 — Старое солнце ослепло.

— В сердце Ноябрь настаёт.

Ивы пониклые смотрятся в лужи.
 Черная птица в тумане летит.
 В мёртвенной стуже

Стон бесконечный звучит.
 — В сердце Ноябрь настаёт.

О, эти листья увядающие,
 В туман и холод отлетающие
 Под звон дождя непрерываемый...
 ... И плач и стон неумолкаемый
 В моей душе однообразно
 Звонящий жалобой бессвязной!..

закон. Углы
 Непрерывно
 Шерсть дождя
 Пустырями, — жалкий вид:
 Холод страсти, жар обид.

Миг за мигом, однозвучно,
 Монотонно и докучно
 Он кружит, кружит, кружит
 Над домами, вдоль межи,
 Над сирями, оградой, —
 Белой стелется громадой
 На обломанных кустах,
 На кладбищенских крестах.

Слово фартук невогды
 Ветром бешены развязан —
 Фартук боли и невогды
 Над локотьями по-язан.

Листья осенние, цветы дрожат и печали,
Полям, безрадостным полям летят из-за дали..
Листья осенние скорби моей, моей боли -
В сердце летят востаново, покорные горестной доле.

Евмиль Лемонь

Стой бесконечный звонит,
— В сердце Ноябрь настаёт.

О, эти листья увядающие,
В туман и холод отлетающие
Под зной дождя непрерываемый..
... И плач и стон неумолимый
В моей душе образно
Звонящий жалобой бессвязной!..

Снег

Непрерывный снег кружит—
Шерсть ленивая летит
Пустырями,—жалкий вид:
Холод страсти, жар обид.
Миг за мигом, однозвучно,
Монотонно и докучно
Он кружит, кружит, кружит
Над домами, вдоль межи,
Над сараями, оградой,—
Белой стелется громадой
На обломанных кустах,
На кладбищенских крестах.
Словно фартук непогоды
Ветром бешеным развязан—
Фартук боли и невзгоды
Пал лохмотьями по вязам.

Т Э Н С
Стылый иней—над костями:
Обнищавшими садами.
Над душой погасшей—жалость,
Снег и смертная усталость...
Скрыты в снег прозрачный, скучный,
Души вянут однозвучно.

Снег тяжелый, крупный, жесткий
Реет, кружит, сыплет блески,

Укрывая перекрестки,
Осыпая—словно солью—
Ветки голые берез,
В небо кинутые болью:
Труден путь их сквозь мороз.

И неверные маячут,
Возникая наудачу,
Крылья мельниц позабытых,
Белым мохом сплошь закрытых,—
Словно борются нещадно
С ветром буйным, злым и жадным.

Белый снег летит и вьется
Над печальной землей,
Заполняя стылый воздух
Монотонно-тусклой мглой.

Он вблизи и вдалеке
По засохлым ломким травам
Пораскинул мерзлый саван,
Реет в каждом уголке
Этот снег смертельно-скучный
Бесконечный и беззвучный,
В рваном платье жалкий нищий
... Целый Мир теперь—кладбище.

Неповоротливый, огромный, словно древний,
 Живет кузнец там, на краю деревни.
 И у пылающего горна,
 Вздымая молот—тень из бездны—
 Он день за днем кует упорно
 Мятеж железный...

И удар за ударом
 Крепнет, словно алмаз,
 Закаленное жаром,
 Всетерпение масс...

И, кто злобу скрывает,
 Молчанье тая,
 Ждет, и знает, воткнув в дофарафов молот
 Отчего у огня пелены вонючие тоуриджки
 Раз за разом кричит без конца им поджак дэн
 Одурающий стук кузнеца.

Изнеможденные без усталости внимают оп котнэи
 Ударам молота,—ленивые глаза имнвэред дэн
 Безмерное молчание скрывают,—никококой то
 Галлюцинируют печальные глаза,одниээ вгелэ.
 Блуждая по полям и глухим перелескам,и дэн
 Удары ж молота, как дальняя гроза,и хлэоп в
 Гремят размеренно и резко.

Кузнец кует,—и день за днем
 У горна грохот, треск и гром...

Неумолимо и упорно
Под вскрик железа он бросает
В огонь пылающего горна
Печаль, тоску страдания, гнев,—
И закаляет
Грядущим дням великий сев.

Спокоен, бесстрашен пылающий взгляд.
Удар за ударом и четки и жестки.
И искры, как золота блестки,
Сверкающим вихрем летят.
Работа кипит горяча.
И пламя блистает
Вокруг головы кузнеца-ковача,
Оно озаряет
Развитые мускулы рук, закаленных
Для бури желанных побед:
Он грезит о них затаенно
Не мало томительных лет.

Он подсчитал все зло, что накопили дни:
Утехи бедным нет,—и бесполезны
Угрозные слова—слова, слова одни—
Пророков лживых подогретой страсти.
Слепцы стоят у власти,
И железным
Кольцом параграфов да пунктов злой игрой
Баррикадируют законов смысл простой.
Над каждой мыслью—ужаса копыто.
Рука трудящихся—она ж рука рабов.
Спокойствие полей,—оно давно забыто:
Змеится по полям горячка городов.
Над деревнями тень—черна и непомерна—
От колокольной грозной и химерной
Легла свинцовой глыбой... Бедняки,
Как нищие подачку, медяки
В полях, возделанных своими же руками,
Должны вымалывать едва ль не со слезами.
Измученный трудом бесцельным и ужасным
Сжимает нож в руке: он скоро станет красным.

Законы хитрые плетут тюрьмы решетки,
Для каждого, кто жить рабом не смеет,
Любовь и радость вянет и немее,
Зажатая в сухой кулак кокотки
Морали лживой... Детское сознание
Из родников отравленных питают:
Все родники давно загрязнены...
Присяга, клятва, обещанье,
Одно „должны, должны, должны“...
Исхода нет,—конца для мук не знают.

Кузнец молчит,
Кует, стучит,—
И молот яростно кричит
Неповторимые рассказы,
Дробя безумных волб алмазы...
Он недалек
Заветный срок:
Набатные метнутся звоны,
Сзывая на кровавый пир,
И рухнут лживые законы,
Что крепко заковали Мир.

Кузнец молчит,—
Свою печаль
И боль обид
В себе таит.
Но удар за ударом
Тяжкий молот бросает
На упорную сталь.
И сверкает пожаром
Горн, пылающий жаром,
Сыплет искры огня
В ожидании дня
Золотых превращений...
И в груди кузнеца —
Ковача
Нет сомнений...
Ночь кутает его в покровы мрака,—
Но близок час... и он не знает страха.

В час заката
Все услышат стоны звона
От набата, —
Прошуршат в ветрах знамена
О расплате,
И прореют в блеске молний, в вихре грома,
Увлекая ярость толп для достижений.
По дорогам победителей-титанов
Для последних поражений великанов...

Гроза отгремит, и мгновения тени и крови
В набатном кошмаре истают, завянут,
К созданию светлого мира на вспаханной нови
Утопии руки несытые жадно протянут...

Кузнец стучит, и ждет конца,
Пускай работа не легка, —
Перед глазами кузнеца
Стоят те дальние века,
Когда не сила и не зубы
Дела людей вершить начнут,
Когда не будет тяжек труд,
Когда не будет злых и грубых,
Когда любовь, что в сердце дремлет,
Осветит радостную землю...

Исчезнут дворцы, магазины, чуланы, конторы.
Все станет так просто-понятно.
Не будет ни злобы, ни ссоры.
Замрет в человеческом сердце
Порыв неоправданной страсти
Стремленья к миражно-неверной,
Ненужной меж равными власти,
Случайную жизнь свою каждый
Отдаст лучезарно и смело
Для общей и радостной цели,
На общее светлое дело.
И все, что когда-то казалось
Запутанно-черным и сложным,
Томило кошмарной загадкой,

Блеснет бестревожно - возможным,
И слабый не будет томиться
По доле своей за порогом.
К открытию тайн вещества,
Может быть распознают дорогу...

Так у пылающего горна,
Вздымая молот—тень из бездны—,
Уверенный кузнец упорно
Кует закал сердец железный

И удар за ударом
Крепнет, словно алмаз,
Закаленное жаром
Всестерпение масс.

Стоит разорваться тот
Воздух дальный и
Небо оно словно
Под гравитацию звезд
Талаякми золотое
Ветер в разрыве
Устремляет свой
Пламя становится
Эхом ударов
Вой за вой
Расплывается
А под?—От
Из крови и
И резко
Вздымается
Смерть поет.
Ужас растет.
—Небо куда-то

Лыдающие стога

(отрывок)

В час заката
Все услышат стог
От пабата,
Прошуршат в
О расплате
И прореют в блеске
Увлекают яростно
На дождевые
Для последующих

.....
Стог разгорается.

Воздух багровый, и стерто
Небо, оно словно мертвое
Под глазами закрытыми звезд.
Гальками золота канув,
Ветер в разрывы туманов
Устремляет свой бешеный рост.
Пламя становится криком и воем,
Эхом удвоен
Вой за рекой
Расплывается снами.
А поле?—От боли с огнями
Из крови и золота в блеске.
И резко
Вздымается мука. И вот
Смерти полет.
Ужас растет.
—Небо куда-то идет и идет.

Песня сумасшедшего

ОБЕЗУМЕВШИЕ ДЕРЕВНИ

О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Крис травите, травите упорно...
Зерна черной плесени
Рассыпьте им — зерна
Средь вечерней, немой темноты.

Помню: сердце когда-то разбилось.
... Помню: женщина вдруг появилась —
Собрала осколки.. склеила —
Черным крысам его подарила.

О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Я их вижу у печки;
— Как на гипсах чернильные пятна —
Она смерть разгрызают невнятно.

Дылающие стога

(отрывок)

Стог разгорается.

ОБЕЗЖИВШЕ

ДЕРЕВН

1893

Виктору Демету
на память

Расплаывается сна
А поле!—От боли с огнями
Из крови и золота в блеске.
И резко
Вздымается мука. И вот
Смерти полет.
Ужас растет.
— Небо куда-то идет и идет.

Песня сумасшедшего

Пара этих лапных
Крыс, мушкетеров-черных,
Продвигая в захватывающую
Клинья воюют —
Ночью
Они раздирают мое одиночное сердце
О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

В голове моей мертва и лишая,
В сердце мрачной Деметры,
Продвигают сочные ветры —
Крысы там основали жилище.
О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Никому удалось не избежать:
Где добродетель — все равно —
... Только крысы... их много... их много...

О, скляните: — по сумрачным склянам
Всеровной немой темноты
Вы расщипайте лапы черные, зловещие
О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Крыс травите, травите упорно...
Зерна черной пшеницы
Рассыпьте им — зерна
Средь вечерней, немой темноты.
Помню: сердце когда-то разбилось.
... Помню: женщина вдруг появилась —
Собрала осколки... склеила —
Черным крысам его подарила.

О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Я их вижу у печки;
— Как на гипсах чернильные пятна —
Они смерть разгрызают невнятно.

О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Пара этих упорных
Крыс, мучительно-черных,
Пролезает в закрытую дверь—
Я их вижу воочью—
Ночью

Они разрывают мое обнаженное сердце.
О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

В голове моей мертвой и нищей,
В царстве мрачной Деметры,
Пролетают соленые ветры—
Крысы там основали жилище.

О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Никому ничего неизвестно:
Где добро и где зло—все равно нам.
... Только крысы... их много... им тесно...

О, скажите:—по сумрачным склонам
Вечеровой немой темноты
Вы рассыпите ль черные зерна
Злой пшеницы, сломав им хребты?...

О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Крысы разрывают мое обнаженное сердце.
Они разрывают мое обнаженное сердце.
Они разрывают мое обнаженное сердце.
Они разрывают мое обнаженное сердце.

Помню: с детства в доме
... Помню: с детства в доме
... Помню: с детства в доме
... Помню: с детства в доме

О, сломайте им лапы, перебейте хребты!

Они смирно разрывают мое обнаженное сердце.
— Как на тинах разрывают мое обнаженное сердце.
Я их вижу воочью—

Лопата

— Крестом широким осенью, —
Прохожий, земли в эти дни. —

На высохшей земле,
На голом поле, в мутной мгле
Торчит горбато
Забывшая могильщиком лопата.
Под ветрами
Она дрожит,
И дребезжит —
От холода так лязгает зубами.
Одна
На утренней заре, высоко
Издалёка
Она отчетливо видна.
Чернеется и сумрачно, и жалко
Над опустелым полем палка.

— Крестом широким осенью, —
Прохожий, земли в эти дни. —

Загнившая изба... И две, грозой разбиты,
Печальные согнутые ракиты...

Как пепел мутная, легла
Вкруг опрокинутой печурки
На комья грязной штукатурки
Молочно-серая зола...

А там, в заплеванном углу
Валяется Распятие на полу.

— Крестом широким осени,
Прохожий, избы в эти дни.—

На длинных колеях дороги бесконечной
Тела издохших жаб везде.

А в камышах, в проржавевшей воде,
Гниль мертвых рыб качелит ветер встречный.

И кружится протяжный, словно вечный,
Печальный птичий крик,
Безрадостно-убогий

Над зарастающей, запущенной дорогой,
Над сохлыми стеблями павилик...

— Крестом широким осени
Дорогу, путник, в эти дни.—

У овина

Засовы ржавеют... На стойлах
Торчит из темных бревен войлок...

И паутина

— Звезда, сплетенная из пыли—
Молчит о стародавней были.

... А выше

— Сломанные руки
Заломлены в тоске предсмертной муки—
Торчат из-под соломы крыши
Две обнажившиеся балки,

Ненужно жалки...

— Крестом широким осени,
Прохожий, стойла в эти дни.—

Лес вырублен. Деревья в беспорядке
Разбросаны... ободрана кора...
Гниют... и запах вяло-сладкий
Тихонько стелется в мерцании утра...
Здесь даже колокол церковный зазвучать
Не может голосом протяжной панихиды, —
Пустое эхо спит: нет нужды отвечать
Устам расколотым на медные обиды...

— Крестом широким осени,
Прохожий, небо в эти дни.—

Конец всему!.. И мертвый вечер
Бредет из темного Далече...
И черным солнцем жуткий стог
Встает над пыльной мглой дорог...
И выползли в безликой мутной мгле
Белесые личинки—жирны, тупы—
Они питаются в земле—
И пища их—гнилые трупы;
Во вздутых животах покойниц гниль и слизь, —
Из гнойной слизи той личинки родились.

Вдали вечерняя звезда
Едва видна.
Укрыты мглой
Огни лохматого заката.
И над засохшею землей
Совсем одна,
Забытая когда-то навсегда,
Торчит горбатая
Лопата.

Входи, вдовец, входи же к нам!
Иди, намокший и холодный,
В стенах есть щели—путь свободный.
Мы ждем,—входи скорее к нам.

Железный крюк снимите с двери!
Откройте, эй!.. Я—белый снег,
Мой однотонный плащ на всех
Дорогах старых зим потерян.

Входи же, снег,—и лепестками
Холодных лилий плавно ляг
От самой двери, где косяк,
До самой печи с угольками.

Мы—северяне,—и скитанья
В пустынных даях лубы нам;
Мы с давних пор привыкли к вам
За ваше горе и страданья.

Песня сумасшедшего

Черная жаба на белой земле
Следит неугомонно за мной во мгле
Глазами огромней ее головы.
Жабьи глаза обокрали меня,
Когда на закате печального дня
В дали я глянула сверху травы...
Брат мой?—Лгунишка какой-то—мой брат.
Скалит он зубы, в зубах же—мука,
Сложены накрест нога и рука,
Вертятся, кружатся в жуткий закат.
Ветер летит,
Ветер вертит
Старую мельницу давних обид.

Этот вот? Этот—двоюродный брат,
Жадно глотает вино
И Солнце пьянеет,—в окно
Хлещет багровый закат.
Я замечала: он спит в погребу
С трупом в гробу.

Для ребятишек—запас:
Стертый голыш, камешок;
А для копеек—у нас
Вшивый мешок.
Мы, сумасшедшие, в дряхлой усадьбе
На свадьбе;
И лунные полосы светят в тоске
Трем сумасшедшим на стылом песке.

Людской поток... в жи все—как тени,
Тумана тени...

Воздух насыщен и нефтью и серой,
Солнце походит северной химерой.
Все в этих пятнах тумана и бланчо
и необычно...

Смотришь—и вдруг
В сердце проснулось испуг:
Может быть, нет ничего, все—лишь дождь,
Если развеять туман, ничего не найдешь.

Город—фантом... Как туманов река,
Годы проходят, сизятся в века...

Песня сумасшедшего

Черная жаба на белой земле
Следит неутомно за мной во мгле
Глазами огромней ее головы.
Жабьи глаза обокрали меня,
Когда на закате печального дня
В дали я увидел своего брата.
Брат мой, Душа моя, брат,
Скажи, где ж ты, скажи, брат,
Сложил ли ты свой башмак
Вертает ли жабья голова
Ветер летит, ветер летит
Ветер вертит жабью голову
Старую жабью голову

1895
Поэту Анри де Ренье

Этот воет, брат,
Жадно глотает ветер
И Солнце пьянеет, —
Хлещет багровый закат.
Я замечала: он синт в погребу
С трупом в гробу.

Для ребятиншек — завас:
Стертый голши, камешок,
А для козлек — у нас
Вшиный мешок.
Мы, сумасшедшие, в дряхлой усадьбе
На свадьбе,
И душные полосы светят в тоске
Трем сумасшедшим на стлзан песке.

Душа города

Но и в шивяж живявед доро
Он сумел сохранить уют
Все, что конструиру
И анжия выдждж в каяж явля
Вска за всякми
Брется войной воступиной

Каждый сверкающий миг
Убедим вад всех сдужжжя ледорья
Над ним, темне сие, она устало
Упрямой должи свет сдужжжя анжия

Крыши—словно миражи,
Трубы—пятна теней
В утро, полное копоти, сажи,
Сквозь извивы кровавых огней.

По набережным грязным,
Однообразным
Ползет трамвай... кривится, виадук...

Вдруг
Пароход ревуший звук
Бросает сонмам привидений...

И сквозь туман
— Не явь, обман—
Людской поток... в нем все—как тени,
Тумана тени...

Воздух насыщен и нефтью и серой.
Солнце восходит неверной химерой.
Все в этих пятнах тумана и блично
И необычно...

Смотришь—и вдруг
В сердце проснулся испуг:
Может быть, нет ничего, все—лишь ложь:
Если развеять туман, ничего не найдешь...

Город—фантом... Как туманов река,
Годы проходят, сплетаясь в века...

Годы над городом грузно ползут...
Вот он, в тумане,
Город безумных желаний
И преступлений уют.
Жизнью безмерной, преступной
Он в каждый дом, в каждый камень,
Века за веками,
Бьется волной неотступной.

Сперва лишь хижины, где власть дана попам:
Убежищем для всех служила церковь там—
На души, темные еще, она устало
Упрямой догмы свет сквозь окна изливала.
Митра да каска, платье из холста,
Монах, барон да раб—так жизнь была проста.
Но башни строились, дворцы и колокольни—
И папские кресты упрочились раздольней.
На стершихся монетах видим мы
Теперь—сквозь лилии—тот мир глубокой тьмы.
Борьба инстинктов, а не душ царила
Между соседями,—и все решала сила;
Она одна вела к несложному концу,
Где разрешалась злость жреца к жрецу.

В борьбе за первенство, единственности власти
Там город рос в ленивом безучастьи.
Народ работал, ели короли.
И только где-то там во глубине земли,
Бессильная еще, едва гудела сила,
И с колокольным звоном возносила
К извивам сумрачным потухших облаков,
По вечерам свой непонятный зов.
Из текстов и молитв—чьи замыслы: вериги,—
Подобно Библии, уже слагались книги;
И греза смутная, из года в год полней,
Росла и ширилась, все становясь ясней;
Знакомый нынче нам, в призывах революций,
Тогда их тайный смысл был непонятный, куцый;
Но намечался все ж—как бы во сне—трибун,
Тень эшафота, и пожар, и бунт.

Тысячи лет пролетели над ним,
Над городом, с жестким дыханьем своим,
Но и в приступах дней
Он сумел сохранить и означить сильнее
Все, что таилось когда-то
И жатвой созрело богатой...

Нервы—как буря! Сердца—океан!
Город в минуты побед и разрухи
— Каждый сверкающий миг—
Город велик!

Тянет лучи фонарей он, как руки
Безумно-воздето
К далеким планетам...

Дышащий злыми и темными снами
Город, он время считает веками.

О, века за веками,
Пролетевшие снами!..

О, город! В часы одичалых рассветов,
В каждом атоме пара дыша,

Без ответа

И бьется, и рвется

Его беспредельно-пустая душа—

Странно-неверная,

Жутко-химерная,

Словно в туманной дали очертания

Неразлично-огромного здания

Эта душа—из-за тени, как тень—

Жадно глядит в нарастающий день;

В этой душе все былое тaitся,

В этой душе настоящее тмится

И все грядущее грезится-снится.

Толпы людей, лихорадочно-буйных усилий,

Брошены взмахом неведомых крылий

К увлекающей тающей цели!

Толпы людей, предвещающих новые дни...

Толпы людей, зажигающих в высях огни,

И вопрошающих клубы тумана:

Пора или рано?

Вечно упрямой, трагически бледной
Проходит толпа за толпой

К цели одной
Неизвестной, победной!

О, века за веками,
Уходящие снами!

Если греза одна отгорает,

То другая,

Огнем полыхая,

И в сердцах и в руках расцветает...

И стучит неразгаданный молот...

А город

Напряженно следит,

Как за дальней чертой

Той заветной мечтой

Даже небо горит...

Город безумием рдян!

Город мечтой неразгаданной пьян!..

Пусть в нем сердца неизбывная стужа,

Пусть нищета в нем, пороки и ужас,

Пусть преступленья без меры,—

Все мы прощаем кошмарной химере,

Зная, что—поздно иль рано—

Придет из глухого тумана

Новый пророк—и такой еще не был!

Новые звезды он бросит на небо,

Новое солнце зажжет—

И уведет нас Вперед.

Революция

Улица словно летит
В топоте толп... этих тел
Струю за струей струит —
Где им конец?.. Где предел
Для этих ветвящихся рук,
Обезумевших вдруг?
Буйство и вызов на бой
В этих руках,— их прибой
Злобой горит...
Улица золотом алым блестит
В глубине вечеров,
И струит
Топот и грохот буйных шагов.

Здесь Смерть, во весь рост,
В гремящем набате встает.
Смерть возникает из грез,
Таясь, за огнями, мечами,
И головами
На стебле мечей,
Что горячей
Самых алых цветов
Расцветают над топотом,
Грохотом буйных шагов.

Гул артиллерии—кашель тяжелый и жесткий,
Гул артиллерии—мерно-глухая икота
На перекрестке
Там, с поворота...

Этот кашель громоздкий
И жесткий
Разбитому времени меру и счет
Ведет

Удар за ударом—гремящие молоты,—
Оттого что камнями расколоты
Глаза обезумевших снов
Диски часов.

Прежнему времени нынче конец. .

Времени нет
Для безумных и смелых сердец
Этих бесчисленных толп,
Пролетающих и зажигающих
Ярости свет.

Под гул артиллерии
Буйство встает из земли,
И клубится в пыли
Над серой глухой мостовой,—
Словно прибор
Алой крови в артерии,
Безмерное буйство сквозь грохот и вой.
Бледное буйство, оно задыхается:
В короткий блистающий миг
— Под топот и грохот и крик—
Завершается

Все, что искали и ждали
Века сквозь вуали печали.
Все, что казалось далеко,
Таилось в грядущих веках,
Под пушечных рокот и клетот
Лучится в огнистых глазах,
Встает—на яву, не во снах—
Сквозь бурю и страх
В опьяненных сердцах.

Здесь тысячи рук, потрясая оружием, воздеты
Приветствовать новые миру планеты.

Это праздник кровавый цветет.
И алое знамя в восторге

Ветер ужаса рвет...
Люди проносятся в оргии
Опьяненно, багрово...
Солдатские каски блестят...

А руки устали,—но снова
И снова залпы трещат:
Народ захотел, наконец,
Чтобы буйной победы венец
Засверкал и кроваво и ало
Над его головою усталой.

Убивая—творить! Созидая—убить!
Так природа творит испуленно,
Опьяненно.

Да, убей! Или жертвуй собой
Ради жизни иной!

Пылают дома и мосты.
А сумерки черным челом
Наклонились с иной высоты
Над кровавым огнем.

Город вокруг громоздит
Баррикады вечерних теней.
Руки огней протянулись длинней:
В небо летит
Ослепительный ряд
Искр—опьяненный каскад.

Ба! Стрельба!..

Смерть деловито и жестко
Размерной и четкой стрельбой
На перекрестках
Срубает тела пред собой.
Падают трупы на трупы,—
Словно перила и немые и тупые,
В свинцовом молчаньи,
Лохмотья растерзанных тел

В пожарном сияньи,—
И жуткой гримасой ложится
Отблеск пожара—мучительно-бел—
На мертвые лица.

Колокол бьется на башне,
Словно сердце безмерной борьбы,
Покоряясь веленьям судьбы,—
И звон, не всегдашний,
Стоном кричит.
А башню испуганно лижет
Огонь... вот он ближе... и ближе...
И колокол сразу молчит.

И дворец, что когда-то царил
Над покорной толпой, он теперь
Золоченую дверь
Перед ней отворил.
В ключья порваны своды законов,—
Страницы летят
Из окон, с балконов
И в пыли под ногами шуршат...
И груду бумаги своим языком
Жадно лижет пылающий факел,
Чтобы самую мысль о былом
Скрыть под пеплом во мраке...
С балконов бросают людей, и от муки
Скрючено тело в злую черту,
И косят одну пустоту
Их разверстые руки.

В церквах
Разбиты иконы, и лежат некрасиво
Осколки икон в алтарях
На полу, словно спелое жниво...
И—решенный вопрос—
Там бескровный и длинный Христос
На последнем гвозде опечаленно вниз
Безнадежно повис...
Богохульство растет,

Все ломает и рвет,
Разливает причастье, елей—
И в углу
На полу
Там от них только грязь под ногами людей.

Радость убийства, отчаянья, страха
Искрится в душах... И звезды из мрака
Смотрят, как в вихре кровавых огней
— Словно безумием тронут—
Город, весь город, блестит все сильней,
Ввысь вознося золотую корону.

Буйство и ужас сплетают звено:
Спаяны люди, все люди, в одно.
Мнится, что даже и воздух горит,
Мнится: земля под ногами дрожит.
А черные дымы, сплетаясь, свиваются,
И в небе холодном извивно качаются...

Убивать, созидать здесь—одно...
И упасть, умереть—все равно!
Открывай, или руки сломай,
Чтобы вспыхнул зеленый и радостный Май!
Этим Маем и красною этой весной
Задыхаясь, встает пред тобой
Роковая всевластная сила,
Та, что душу твою опьянила.

В садах, что ночью открываются,
 Цветы по клумбам, ramпы из огней.—
 Печальные, как хоровод теней,
 Бесшумно женщины идут и возвращаются.
 Блестящий от огней,
 Наполнен мутных испарений
 От золоченой панорамы дней
 Дрожащий воздух разложений.

Алмазными гвоздями газа
 Заклепан потемневший свод;
 Печаль колонн все выше, а за
 Печалью неба темный грот.

И ртутью льют кустарники сверканий
 На круглые площадки серный свет;
 И отраженный памятник согрет
 Размерным колыханьем содроганий.

Огромный город издали
Шумит и светится как море,—
Своими светами в пыли
Там рестораны, бары спорят.
А здесь шурша, шумящими шелками,
Огненнорыжими плетя волосы,
Цветок соблазна жадно сжав руками,
Проходят женщины, глядящие в упор,
И мнут ленивыми ногами
Зеленый ласковый ковер.

И медленно—процессия полночи—
Движение длится без конца;
Болезненный румянец вдоль лица
Зовёт, пугает, манит и хохочет.

Подходит,—страстный зов улыбкой на лице—
И изможденные до муки,
Такие цепкие, протягивает руки,—
И преступление сверкает на кольце.

И траурно-огромные глаза
Таят безумной страсти страх,
Отмеченные роком—как гроза—
Глаза как гвозди на гробах.

Над ними лоб повязкой белой
Над слепотою дум лежит.
И тянется—цветок к цветку,—дрожит
Узвывный рот уверенный и смелый.

В движениях всегда одно и то же,
Зрачки во глубине бесстрастие таят,
А сердце бьется полно пряной дрожи,
И сладострастие по венам гонит яд.

И черный шелк обтягивает ноги,
На туфлях золотых и пыль и грязь.
Змея-боа исполнено тревоги,
Грызущей темноты измученную вязь.

Мучительные тени, кто вы?—

Кем коронован путь ваш золотой?—

Я узнаю вас, траурные вдовы,

О вас рыдал любовник молодой.

Их грезы беспросветно одиноки,

Уверенные в том, чего хотят,

Они в своих руках таят

Людскую душу—счастье, вздохи.

Когда ж их день сгорит тоской,

Полны одной мечтой—бессильной—,

Что нет под гробовой доской

Любви подземной, замогильной.

В ночных садах, grimасой сновидений,

Бесшумно и не исследимо

Проходят бледных женщин тени

С душою траурной. Непоправимо. Мимо.

В садах, что не исследимо

—Цветы во имя тоски,

Печальные, как вдовы—

Бесшумно жемчужный след.

Властительный дождь пожегает дождь

Наполнен мутных тучек

От зноя дождя и жара—

Дрожащий и сновидный.

Аливанж от не исследимо

Закрывает в грядке

Печалью отравленной

Печалью винной.

И ругать, и той тоской

На кружах золота и

И отражении

В зеркале не исследимо

Наша любовь, осенняя,
Шелком и золотом тканная.

До
Соник.

Языки.. Ветер надыхающий
Воздух безмятежный.

Ветер надыхающий

боник.

ЧАСЫ ЯСНЫЕ

Подслушай ушани,
Два прудка, золотистые
Меж цветов лазурными.

Наша любовь осенняя-лучистая,
Срезаны тканная, белая, чистая.

Воздух безмятежный

Мучительные твоя, кто вы? —
Кем коронован путь заш золотой? —
Я узнаю вас, траурные идола,
О вас рыдал любовник молодой.

Их грезы беспросветно одиноки,
Уверенные в том, чего хотят,
Они в своих руках таят
Людскую душу — счастье, вадох.

Когда ж их день сгорит тоской,
Полны одной мечтой — бессмыслицей —
Что нет под гробовой доской
Любви...

В воздухе... траурной...
Бесцельно не исследую
Проходит бледных жемчужин тени
С душою траурной...

1896

Той, что всегда со мной

Наша любовь, осиянная,
Шелком и золотом тканная...

Домик веселый, мой друг ты...
Садик. И зелень. И фрукты.

Яблони... Ветер, вздыхающий
Вешними белыми снами,
Кроет скамью лепестками.

Голубь-дикарь, рассекающий
Тишь деревенского неба,
В поисках зернышка хлеба.

Словно с неба лучистые
Попелуи упали, —
Два прудка, золотистые
Меж цветов засверкали...

Наша любовь осиянно-лучистая,
Грезами тканная, нежная, чистая...

В наш молчаливый незабвенный час
Мы медленно проходим вешним садом,—
Пусть он цветет пленяющим нарядом.
Есть лучший сад,—и он в душе у нас.

Затем, что в нашем смехе и слезах
Спокойного уверенного счастья
Все краски яркие, горящие в цветах,
Все шопоты травы, шуршащей об участьи,

Все отблески воды, светящей своевластно
На голубом пруду, вся жажда чар
Румяных роз и лилий алоэстрастных,
Весь солнца золотистый жар;—

Затем, что радость наша без предела
На празднике весны, чей лучезарен взгляд,—
Затем, что ясные слова признаний смело
Слетают с губ, и в воздухе горят...

О, говори еще!.. В неповторимый час
Прекрасный юный сад цветет в душе у нас.

Мое былое—жестокость мысли,
Безумство крови, когтей и крика,—
Крутятся уроды клубком там висли,
И рот кривился от боли дикой.
Мое былое... до первой встречи
С тобой, чьи тихи и добры речи.
Из вечной дали ты здесь: легко мне...
Мое былое... его не помню...

В тебе открыл я мое святое,
Что спало в сердце в немом покое.
И в нашей жажде воспоминаний
Ловлю я эхо былых свиданий.

И если плачут глаза безвестно
О чем, как дети,—так, без причины,
Мы, значит, были когда-то вместе.
Одни стремленья, одни кручины.
И не случайно и не нарочно
В бескрайном „где-то“ связали прочно
Душа с душою.
О, если б взгляд мой тогда был светел,
Там, за пределом, тебя б я встретил,
И был с тобою!

Открытое небо ночное...
Луна в безмятежном покое
Молчанье вокруг сторожит...

Все тихо и ясно,
Покойно-согласно...
В озерах вода не дрожит...
И только росинка
Порою с тростинки
На воду со звоном падет,—
Но тишины не спугнет...

Мы руки сплели. В безмятежных глазах
Твоих тишина без предела.
В глубоком покое застыло все тело...
Ни тени сомнений... Ни горе, ни страх
Тебя не тревожат...
Любовь наша то же
Усталым ребенком уснула в сердцах.

X

Смотрю я на тебя, мою родную,
Такую добрую, спокойную, простую —
И смущаюсь...

Так поздно я тебя нашел.
Из страшной дали я пришел
К твоим сияющим глазам
И словно дремлющим рукам...

Мой дух грызет тоска недоуменья, —
Как ржавчина, в душе моей сомненья
И едкий крик...

Я огрубел: устал итти.
Я недоверчив, как старик.
В моем пустом, пустом пути
Устал итти...

И вот она, негаданная радость:
В пыли моих дорог твой след,
Мой тихий свет,
Моя отрада...

Стою смущенный... И глаза
Туманит жгучая слеза...

Как дитя, я даю тебе сердце...
 Это сердце—цветок,—
Он открылся: забрезжил восток...
В складках губ я даю тебе сердце...

Я сорвал его в пламенный час...
О, молчи: так ничтожны слова...
Пусть душа говорит блеском глаз.

Мое сердце—цветок... И любовь,
И признанья любви на губах...
В детстве верим мы в Бога,— вот так,
Словно дети, поверим в любовь...

Пусть рассудок цветет на холмах
Прихотливых бесцельных дорог...
Нам не надо признаний в словах...
Кристаллически-трепетный вздох,—
Это—пламя двух страстных сердец,—
Он молчаньем самим говорит,—
 И блестит,

Как алмазный венец
Неисчисленных звездных лучей
В диамантовых сводах ночей.

Как я страдал... И в тишине
Ночей не ведал я утех...
Но тихо ты пришла ко мне
Приветна, словно свет во мгле,
Сквозь окна озаривший снег.
Как будто теплая рука
Легла на сердце мне легка,
И замерла моя тоска...
Доверье, искренность, любовь
Семья, как радостная новь...
Твоя рука в руке моей,—
И мой покой теперь полней...
Зима прошла. Весенний шум
Извечных звезд желанным светом
На золотых дорогах дум
Горит ласкающим приветом...
Расцвел цветок любви прекрасный,—
И в нашем сердце своевластно
Проснулась страсть... Мой первый свет,
Тебе восторженный привет!

И ни сомнений, ни затей, —
И знать не надо: где мы? кто мы?..
Вдали от суетных людей
Цветущий сад наш полн истомы.

Слежу я, не смыкая вежд,
Без размышлений: как? откуда?
Полет властительный наш — чудо —
На паперть сладостных надежд.

Тебя я знал прекрасной, чистой, —
И раньше первых встреч с тобой
С любовью радостно-лучистой
Я слышал милый голос твой.

Жена, мой друг, моя невеста,
В душе сияющий покой...
Пусть говорят: — „Любви такой
На горестной земле нет места“...

Со взглядом взгляд скрестился чудно
Не в первый раз,
Чтоб на дорогах жизни трудной
Здесь пара глаз любила пару глаз...
Свой свет рассеяв на откосах,
Заря на травах и на росах
Светло легла,—
Из-за редящих туманов
Над мхом, лучами рдяно канув,
Горят два ясные крыла.
Светлы ее простой улыбкой,
Пруды качелят рябью зыбкой.
И изумрудный воздух тает
Дрожаньем сладким...
Прозрачность из садов сметает
Печальный пепел, сумерек остатки.

Глаза твои, по летнему сияющие,
Пусть будут мне в земном пути
Виденьями добра, меня пленяющими.

Пусть наши души, безраздельно-обнимающиеся,
Оденут в золото мечты воспламеняющиеся.

Рука моя, на грудь твою склоненная,
Пусть будет на твоём пути
Эмблемою покоя углубленного.

Мы станем жить, как две молитвы звездно-тающие,
Одна к другой невозвратно отлетающие.

И наши губы, так восторженно целующие,
Пусть станут нам в земном пути
Всесимволом всей жизни нас волнующей.

Прекрасен сад, расцветший отогранным
Систов вездных,—спонно вездных
Раскннхнхнх... мотоя аххххххххх

Если душа отдана,—не прекословь, И
Тело отдай: этого властно
Требует страстная
Наша любовь.
Будешь ты счастлива телом
Юным, прекрасным твоим
Если доверишься смело
Ласкам моим.

Я отдаюсь тебе тоже,
В жажде познать тебя смел
Лучше и чище, быть может,
На празднике тел.

Слаблю любовь,—не бесстрастье!
Все этой мысли отдать:
Наше безумное счастье—
Смелыми стать.

Моя—н о эсмон задул!
Смольн: анста н недвнхнхнх Вездност.

Прекрасен сад, расцветший огоньками
Снегов вечерних,—словно зеркала
Раскинулись кругом... Над нами
И в нас застылость та ж легла.
Великой тишиной прозрачно-белой
Небесный вест мрамор. Вот идут
Деревья стройными рядами,—и несмело
За ними тени блеклые бредут.
Затихло все. Ни шопота, ни вздоха.
Завесы холода огромные легли
Над серебром болот. И видны издалека
Кресты дорог в лучащейся пыли.
Живая жизнь горит на дальних звездах.
Как сталь, тускнеет иней голубой,
И металлически просвечивает воздух
Под бледно-медной матовой луной.
О, в этот дивный час ночной
Мерцающе лучится бесконечность
Глазами звезд, идущих в млечный путь!

Молчи,—и о земном забудь!..
Смотри: чиста и недвижима Вечность.

Но где же сердце?— В шахте Смерти.

... И с криком званы, там, у срыва,

Я загораюсь, как в шахте Смерти.

Следом за мной в шахту Смерти.

Тот, кто в шахте Смерти,

Как глина в шахте Смерти.

Луна из шахты Смерти

И бледный

облаком. Д. о. о. о.

Дробь в шахте Смерти

Бисер в шахте Смерти

Оно в шахте Смерти

С куском вишневого

Молчанье, пустота и стужа.

Сквозь ночь струится темный ужас

От звезд, блуждающих в выси,

Луна над шахтою висит.

Вода застыло-тускло блещет

И озлобленное трепещет,

Как в лихорадке, сердце там.

На сердце лунный диск упал...

Луна— искристый лак на небе,

Звизд ликущих зеркал,

Полярных вод угрозный жребий.

Прекрасен сад, расцветший огоньками
Снегов вечерних,—словно зеркала
Раскинулись кругом... Над нами
И в нас застылость та же дгла.

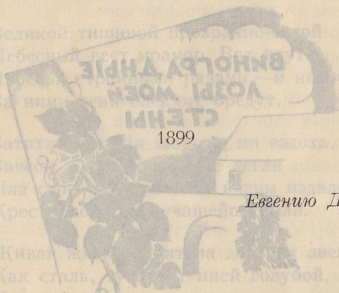
Великой тишиной и прозрачною
Небесной свет украшен. Везде
Древет, и в нем, и в нем
За ним, и в нем, и в нем

Затихло в нем, и в нем
Завыл, и в нем, и в нем
Над, и в нем, и в нем
Кресло, и в нем, и в нем

Живая, и в нем, и в нем
Как сталь, и в нем, и в нем
И металл, и в нем, и в нем
Под бледно-медной матовой луной.

О, в этот дивный час почвой
Мерцающе лучится бесконечность
Глазами звезд, идущих в млечный путь!

Молчи,—и о земном забудь!
Смотри: чиста и недвижима Вечность.

Вечерний час

Но где же сердце?—В шахте Смерти.

... И с края жизни, там, у срыва,

Я заглянул на дно обрыва,—

Слежу за сердцем в шахте Смерти.

Там тишина,—недвижный ужас...

Как глыба льда—о, эта стужа!—

Луна над шахтой выплывает,

И бледный свет на дно роняет.

Кроваво-алой кучей мяса

Биенья сердца стеснены—

Оно в борьбе, на дне глубоком,

С куском пылающей луны.

Молчанье, пустота и стужа...

Сквозь ночь струится темный ужас

От звезд, блуждающих в выси.

Луна над шахтою висит...

Вода застыло-тускло блещет.

И озлобленное трепещет,

Как в лихорадке, сердце там.

На сердце лунный диск упал...

Луна—искристый лик на небе,

Зима зияющих зеркал,

Полярных вод угрозный жребий.

Луна—безумий властный вал.
Луна—пасть льда... И в тишине
Она кусает сердце мне.
Клещи полуночи зажали
И сердце злым обхватом стали...
И молит сердце жизни, яви!
А иней иглами дырявит
Его,—и воды, цвета трупа,
Влекут к своим водоворотам.
Звучат размеренно и глухо
Их всплески—жуткая икота.

Да, в этот вечер сердца пламень
Погаснет,—стихнут все биенья.
Луна морозом отраженья
В футляр его замкнет, как камень.

Растет слепая злая стужа.
Сквозь ночь струится темный ужас.
Скиталиц-звезд бредут когорты,—
Они увидят сердце мертвым.

Та, что о странствиях

Воспоминанья
О счастиях
С тобой бывала я на сумрачных вокзалах,
Где на столбах железных и усталых
Шары огней—сигналы — оклеивала
И как это являлось мне
Иногда морем дан взор и ниже при
Пески прибрежные

Вспоминаю гаваней и отдаленных стран,
Отплытий неожиданья
Сказки мостов изогнуто
Над зеркалами водными
Глаза углей пылающих
На стенках у котла,
А волосы мои?—Задумчивы
На дальнем зареве, слепые
А помнишь крик свистка пронзительно-вечной?
О, этот крик!—И он был тоже

Свой дом да и вид одот
В вездешней
Нам
О помнишь города, что в сумрачной печали
Свой дом до облаков видны
Где тучи мрачные на горных
Торжественно брели трагической дорогой.

Где солнце, ржавое, закатывалось в бездну
Где холод пылью мелкой и железной
Как будто смылся мучительно и долго
Там, далеко... над Одером... над Волгой
В туманах рылих, в дала жесткой
Где запах нефти и известки
Спирася горла переулков

Я—полусмутное виденье
В ночи угрюмой.
А ты—без сна, с тяжелой думой,
В тоске, в томлени...

В твоей бессоннице упорной
Я—призрак черный;
Я—та, чьи взгляды

Тебе теперь навеять рады
Воспоминанья
О скитаньи.

Как это давно и далёко-далёко—
Пески побережий и вечер над морем высокий!

Тогда я звала тебя в светлые дали,
Где юности зовы о жизни кричали.
Тогда я была как на празднике звуки.
Ты помнишь мои озаренные руки,
Срывавшие пояс у ветра?.. На юге с тобою
Была я в портах отдаленных
Над тихой зеркальной водою.

С тобою была я над морем
В вечерний серебряный час
Над золототканым прибором,—
Отважный
Следил очарованновлажный
Ты блеск моих сказочных глаз.

Богиней я была
И носом корабля,—
С тобой плыла
Я кормчим у руля,—
И на груди моей блистала
Твоя мечта—она пылала.
Корабль безумье бури гнало.

А нынче, приучен
К бессоннице злой и упорной,
Сидишь ты измученный
Скукою вздорной.
И я наклоняюсь виденьем
Угрюмым
К томленьям

Твоим и безрадостным думам.

С тобой бывала я на сумрачных вокзалах,
Где на столбах железных и усталых
Шары огней—сигналы странствий алых.

Воспоминанья гаваней и отдаленных стран,
Отплытий неожиданных в безвестность и туман,
Скачки мостов изогнуто грохочущих в простор
Над зеркалами водными и над пролетом гор,
Глаза углей пылающих и блики от огня
На стенках у котлов, все это—я, и я.
А волосы мои?—Задумчивые дымы
На дальнем зареве, слепые пилигримы.
А помнишь крик свистка пронзительно-ночной?
О, этот крик!—И он был тоже мой.

А помнишь города, что в сумрачной печали
Свои дома до облаков вздымали,
Где тучи мрачные на горизонт убогий
Торжественно брели трагической дорогой,
Где солнце, ржавое, закатывалось в бездны,
Где холод пылью мелкой и железной
Как будто сыпался мучительно и долго—
Там, делекò... над Одером... над Волгой,
В туманах рыжих, в дали жесткой,
Где запах нефти и известки
Спирает горла переулков
У фабрик гулких?..

А помнишь города из копоти и сажи
На Севере—угрюмые пейзажи,
Где памятники—грузны, неуклюжи,—
Возносят в небо обветшалой стужи,
Сквозь изгородь дождей и непомерной скуки
Свои веками скопленные муки?

А этот кран в базальтовом порту,
Что гору груза зацепив клещами
Из-за канатов на мосту,
Ее качал задумчиво над нами?

О, как давно, в минувшем плавании,
Две наши грезы в дальней гавани!

А вот еще припомни: беспечальное
Большое озеро, такое дальное;
И барки светлые на нем в ветрах из меда,
Как птицы белые поутру паруса
Хлыстами тонкими вонзались в ясность свода,
Крестом чертили небеса;
А вокруг, сквозь одичалые просторы,
Высокий свет струясь лился на горы,
И далеко на горизонтном скате
Он ровным был и белым словно скатерть;
Размеренно на водную поверхность,
Сребристым звоном напоив окрестность,
За каплей капля капала сердито
На зеркало воды из тяжелого гранита;
То озеро не знало страстной бури,
Недвижное оно молилося лазури,
Где призмы солнца, тихие полудни
В краю красы, светились изумрудней.

Как это всё давно—в глубокой тишине
Два наших голоса в мечтательной стране!

И наконец: в желанном бездорожья
Далеких Индий Снов, среди лесов и гор,
Где каждый ствол, в лиановый убор
Закутанный, молитвой был и ложью,

Где хрупкие дома и бледные лампы
Мерцали вечером скитальцам бесприютным,
Где девушки в шелках сидеть у входа рады
На легендарных львах—коврах уютных;

Они истории любви там вышивали
На пальцах из нефрита, аметиста
Руками тонкими—принцессы иль артиста—
И в красоту блистанья дней вплетали;
Те махаоны, птицы, светляки—
Лучи к лучам и ткалось и светлело
В извивах крыльев, в нежных сгибах тела
Как ласточек парения легки.

Принцесса медленно бродила по заливу,
Белели лебеди, а там—чета влюбленных,
Взаимными признаньями смущенные,
Красиво
Ловили золото, что спало на луне.

И вот, в настороженной тишине
Работа брошена. И рады взгляды
В эмалевом доме немного отдохнуть
На пляске баядерок. И лампы
Голубоватый свет
Для всех, кто в дальний путь
Пустился, льют,—и ласка, и привет.

Воспоминания, из серебра и злата,
В далеком там, в законченном когда-то.

А нынче, вечером угрюмым,
И сожаления и думы

В тебе нежданно разбудили,
В порыве скуки, злое пламя—
Твою потерянную память.
И голоса тоски завывли
—Меланхоличные олени—
И полон поздних сожалений,
Угрюмой думы властелин
И молчаливый и согнутый
В недвижимом кресле, ты, один,
Прядешь ленивые минуты.

Я—вестница, я—отблески привета
Случайностей, нежданностей... О, как ты их любил,
Когда—отважный, полный сил—
Ты плыл на край безвестный света!

Как это всё давно—в глубокой тишине
Два наших голоса в мечтательной стране!
Воспоминания из серебра и золота
В далеком там, в заповедном котловане.
И наконец в желанном беззвучном
Далеких Индий Снов, среди лесов и гор
Где каждый ствол, в лиственном
Закрутанной молитвой был и ложь
И сожжённый И

Ло краю воды

Ная капля крови,
Своей перады,
Видной любовью.

Фиделитет нежно тебед
Сквозь зародок и кусти
Беспечный вода и кусти
А тая даяр.
Создане инае криво
Спасае тое
В еяе копейке
Диско вемки

Н вои ранити тои тои
Осенит тое тое
Н, слово тое тое
Воспання даяр
На белом то тое
Каяюся... в даяр

Как плоть влагалища или разбухших десен,
Цветений брачных лепестки—
Подвижны, гибки и легки—
Шевелятся от ветра в осень,
И набухают, и гниют.
И ветер гонит их на пруд.

И кажется, что то—обломки
Разбитых мертвенных сердец.
И кажется, что это—ломкие
Кусочки жизни наконец.
И кажется, что сгустки крови
Волна перекачнувшись ловит.
Но очевидно: перемены
Не нарушают их эмблемы.

Цветенья брачные, мясистые цветки
И мягкие как десны лепестки
Качает ветер жалобный,—плывут
В осенний пруд,
Роняют и теряют
В туманной дали,
Как капли крови,
Свои печали
Былой любви.

Фильтрует нежно тени вечер
Сквозь изгороди и кусты.
Бесцветны воды и пусты.
А там, далече,
Солнце красным криком
Спускаясь тонет
В едва колеблемом затоне
Диском великим.

И вот идет огромная луна.
Осенняя плотнеет тишина.
И, словно груши слез, букеты крови,
Воспоминанья бледные любви
На белом от луны пруду
Качаются... разорваны... в бреду.

Не так живи глаза,—в них не прежая сила...
На часо нашей светлой любви
Время руки свои положило.

И юльский наш сад стал нежней и бледней,—
В нем цветы и кусты
Уж роняют листья

На тусклое небо
И порой
Словно чужаки

Но упрямые розы
Непокорно
И над

Минувшим
И силе
В душе
Наше

Близок
О, пора
Оплетенная
Под румянцем лица, в глубинах, холодох!

Сколько лет? Много лет протекло,
Все было с собой увязло...
Ну, так что ж... Мы как прежде вдвоем,
И любовь наша та же в сердцах.
Что нам горе, печали и страх!

ЧАСЫ ПОПОЛУДНИ

Цветы бразные, мясистые цветы
И мягкие как десны лепестки
Качает ветер жалобный,— плачут
В осенний пруд,
Роняют и теряют
В туманной дали,
Как капли крови,
Свой печали
Выпой любви.

Фильтрует нежно тени вечер
Сквозь изгороди и кусты
Бесцветна вода и пусты,
А там, далече,
Солнце красное
Спускается торопливо
В едва колеблющиеся
Диском

1905

И вот идет огромная луна,
Осенняя плоть
И, словно
Вспоминаешь всегда
На белом от
Кажется... разорвана... и орду.

Той, что всегда со мной

ННДУЛОПОП

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

1905

Не так живы глаза,—в них не прежняя сила...
На чело нашей светлой любви
Время руки свои положило.

И июльский наш сад стал нежней и бледней,—
В нем цветы и кусты
Уж роняют листья
На тускнеющий пруд, на пустыни аллеи.
И порой само солнце тусклей,—
Словно строгая тень вокруг лучей...

Но упрямыцы розы цветут,
Непокорные бегу их дней...
И над жизнью твоей и моей
Миновавшие годы встают,
И сплетают венец...
В глубине ненасытных сердец
Наше счастье в июле полней...

Близок вечер: есть тайный намек.
О, пора пополуденных грез,
Оплетенная дремою роз,—
Под румянцем лица, в глубине, холодок!..

Сколько лет?.. Много лет протекло,
Все былое с собой увлекло...
Ну, так что ж... Мы как прежде вдвоем,
И любовь наша та же в сердцах.
Что нам горе, печали и страх!

Время дэки свои поожно.
На асто нашэй светлой любя
Не так жва тэзэ, — я ннх не прэжжэя снэв...

Июньские розы, вы—лучшие розы
С сердцами, пронзенными солнцем; вы—грозы,
Затихшие, взлеты усталые птиц
В ветвях, истомленно склонившихся ниц.
Июньские розы, июльские розы,
Уста, поцелуем зажженные в грезы,
Вы вспыхнули ярко, — и вот вы устали, —
Из тени и золота сетка дрожит
Над вами от ветра, но вы не упали, —
И ветер порывистый дальше бежит.
Огни омертвелые в нóжных из моха,
Дохнули вы летом палящим, и страстно
Исполнены трепетом позднего вздоха,
Застыли безвластно...

Прелестные, милые, свежие розы!
Так в жажде любви беззаветной воспрянут,
Сверкнут мимолетно, устанут, завянут
Все наши желанья и все наши грезы.

Светлая тень. И восток
Сверкает радушно. Проснулася
Вспорхнула птица — ветер качнулся
Других цветов полны сады,
А пруд все тот же непостижный, —
Глаза огромные воды
Глядятся на лице подвижном.
Из далей дальних, неизвестных
Так много новых птиц безвестных, —
Их крылья солнечно светлы.
Июль сменил апрель, — и стало
Все голубое светло-алым.

И ветер хрупкий в разогретом
И плотном воздухе летит.
Уходит, отгорая, лето, —
Алмазный плащ его блесит.

Светлеют тени. И восток
Сверкает радужно. Проснулась,
Вспорхнула птица,—ветвь качнулась:
Росинки пали на песок.

Прозрачность хрупкая на блеклом,
На первом трепете лучей...
Чу! Шум крыла. Звенит ручей.
Сверкает воздух, словно стекла...

Твои глаза прекрасно-ясны,
И светел лоб, и бьется властно
По жилам кровь... Лучится пруд:
В нем отраженья дня плывут...

С какой неудержимой властью
В нас жизнь кипит. То—счастья зов,
Не совладать тебе со страстью,
И вот он, твой порыв без слов:
Моя рука в руке твоей,
Всею грудью ты прижалась к ней.

Здравствуй, подруга,—несу я радость мою, как подарок.
Сердце — в ликующих струях, трепет и ярок и жарок.
Золотом гордого солнца, свежего ветра шелками
Я напоил мою душу, как вожделенными снами.

Ноги так сладко тонули в травах, что стлались, цепляясь,
Руки мои отдохнули, к сердцу цветов прикасаясь.
Видишь—в зрачках моих слезы,—радости слезы текли:
Был я на празднике грезы вечно-прекрасной земли.

Дали, прозрачные дали, душу мою опьяняли,
Звонким призывом смущали, зовом меня увлекали,—
Шел я куда-то далеко, шел я куда-то высоко,
Песню я пел одиноко сердцем в восторге глубоком!..

Вот мой подарок богатый: жизнь и красивость равнин,
Руки, пропахшие мятой, в волосы впутанный тмин,
Тело мое, в нем струится трепет полуденной сказки,
Воздух прозрачно-огнистый, света кристальные ласки.

Друг мой, баюкай меня,—

Руку на лоб положи,

Нежное слово скажи...

Друг мой, баюкай меня...

Утренний голос твой мил.

Ты поцелуешь меня...

Я утомлен, я без сил...

Знаю: ты любишь меня...

Ночь истомила меня.

День заглянул к нам в окно.

Вялый и скучный, давно

Дождь барабанит, томя...

Друг мой, баюкай меня,—

Руки на лоб положи,

Нежное слово скажи...

Ты, как заря, для меня!

Ласка в любимых руках;

Свет в твоих тихих словах,—

Свет золотистый зари...

О, говори, говори!...

Скуку-докуку развей,

И прогони мою грусть...

Друг мой, с тобой веселей

Я за работу возьмусь,

К жизни бодрее вернусь.

Вот лампа зажжена, — прекрасная пора...
Все углубленнее и тише, —

Приятный труд. Полуоткрыто
Окно, — зеленой тенью скрыто.
И на бумагу огневой

Ложится солнце полосой;

Его мятежной тишины

Теперь полны

И сад и дом покойный мой.

В цветеньи клонятся цветы.

Среди ветвей блестят плоды.

Поет снигирь. Свистят дрозды...

Стихи мои текут, просты,

Свободны, искренни, легки.

О, золотистый светлый стих,

Как ярко-ало в этот миг

Твои сверкают лепестки!

В саду, задумчива, одна

Тихонько бродишь ты, мой друг,

Не нарушая мой досуг, —

Привычке этой ты верна.

Моя душа теперь горит:

В ней песня зреет и звенит.

Припомнится давно минувший день.

О нем нам говорит примята, как тень,

Случайно найденная старая записка...

Наша да будет любовь источником всякого знания.
Связано все нераздельно единой пылающей мыслью:
И набухание почки, цветенье цветка и увялость,
В выси кружащейся тающей птицы сверканья,
И наполняющий ужасом душу порывистый ветер,
Зло разоряющий гнезда на мшистой покатоности крыши,
Бабочка, пьющая сердце цветка, и дрожанье
Трепетных листьев его от ласкающей боли,
Каждая грусть от потери и каждой надежды порывы...

Пусть охлаждает рассудок снегом спокойным и терпким
Эти стремления, сказкою вздорною их называя,—
Что нам за дело!.. Ведь мы не хотим доказательств.
Знаменьям верим и добрым и ложным, и злым и правдивым.
Счастливы будем мы нашим ребяческим знаньем,
Только его неизбежным и верным считая.
Пусть мудрецы нас, замкнувшихся в круге, оставят!

Вот лампа зажжена,—прекрасная пора...
Все углубленнее и тише,—
Такая тишина, что, кажется, услышишь
 Падение пера.

Покоя, отдыха вся комната полна.
Любимая подходит ветром нежным,
Иль как дымок, что вьется безмятежно...
 Со мной... одна...

Минута милого глубокого молчанья,
Где каждое движенье—знак вниманья...
Целую ей глаза... И длится тишина...

И лампы желтый свет ласкает нас...
 Со дна души

Встают слова любви,—в дневной тиши
Они медлительно и сокровенно зрели,
 Настал их час,
Они проснулись, заблестели...

О том, о сем болтаем понемногу:

 О распутившемся цветке

 У мхов зеленых на прудке,

О зрелом яблоке, упавшем на дорогу...

И вдруг так явственно, так близко

Припоминается давно минувший день:

О нем нам говорит примятая, как тень,

Случайно найденная старая записка...

Свинцовый день настал,—и слег я, тяжело болен
В бреду мерещилось: ушла былая страсть,—
Как солнце, в ночь теряющее власть,
Огонь любви погаснет, обезволен.

Цветы казались мне обманом небывалым.
Слепил глаза мне блеск сияющего дня.
И руки падали в томлении усталом.
Мне думалось: не любишь ты меня.

Как травы сорные, все спутались желанья,
Томили душу сразу холод, жар,—
Стремленья к жизни с жаждой умиранья
Смешались жадно в вихре диких чар...

Но ты утешила меня любви словами,
— Одной любви такая власть дана!—
Согрела сердце мне блаженными огнями...
Болезнь прошла. И спала пелена.

Я встал с постели бледный, истощенный,—
Противный всем, тебе одной был мил.
Ты принесла с улыбкою смущенной
Цветов,—и я набрался сил,

Дыша твоим горячим поцелуем,
И запахом лесов и зовами полей,
Что затаилися, подобно светлым струям,
Вдоль складок кофточки твоей.

Бывают дни—бодрящий, ясный круг—
Жизнь на борьбу зовет меня и дразнит,
Приходит вдохновенье словно друг,—
Часы труда тогда, как светозарный праздник.

Оно летит ко мне из стран лучистых,
Несет слова яснее ярких роз,
Чтобы из этих слов, в оправках золотистых,
Сверкнули чище искры дум и грез.

Мой мозг, захваченный его водоворотом,
Возносится, высотами пленен,
И творческий порыв пылает в нем огнем,
И звезды он живит своим полетом.

Безумства, трепеты и прихоти мечты
К единой цели рвутся неизменной:
Разлить по венам и артериям Вселенной
Кровь вечно-молодую красоты...

В такие дни весь Мир—моя добыча...

Потом, измученный, усталый от труда,
К тебе, единственной, я прихожу всегда
С душой, приподнятой наплывом вдохновенья,
И с сердцем, бьющимся порывисто-мятежно...
Мне радостно тебе, любимой, нежной,
Нести в себе мирской души биенье.

Это было в Июне...

Мы по саду бродили

И любовно следили,

Как миры раскрывались

Повсюду,—

Мы поверили чуду,—

Розы нам улыбались

В Июне...

Это небо... не знал я такого!

Птицы, бабочки тихо кружились.

В этом воздухе шелково-чистом,

Словно радость моя, золотистом,

В чистоте неизмеренно-ясной

Светодали огнисто струились.

Поцелуи же были прекрасны...

Говорили о счастье лазурном,

Счастья большем, чем небо над нами...

И дыханием властным и бурным

Жизнь зажгла нас огнями.

Эти крики... узывы... призывы...

Жажда все нашим счастьем измерить...

Пусть бы боги воскресли: красиво

В них поверить!..

И нас томит порой тоска;
Душа бредет по злему кругу,
Понура, пасмурна, плоска,
Долиной тусклых черных снов.
Но мы не говорим друг другу
И в эти дни обидных слов,—
Нет, никогда... Пусть мы не те,—
Но знаем, помним: час отлива
Другой заменит час—прилива,—
Вернемся мы к былой черте.

И тихо сетуем, устало
Грызя орехи злой тоски,—
И в плавной речи грустных жалоб
Слова доверчиво-легки
Плывут, дыша бывалым раем,—
А злой досады злое жало
Мы поцелуем обрываем.

И ждем:
Минует эта мука,
Уйдет тоска, завянет скука...
Так днем ненастным, за дождем,
Проглянет солнце, и сквозь окна
Прольет огней лучей волокна.

Ладьи сверкают летним златом.
Они просторами пьяны
Плывут, усталости полны,
Под окровавленным закатом.

Размерно четки и просты
Удары весел. Путь их дальний
К стране мерцающе-печальной,
Где спят осенние цветы.

В изнеможеньи стебли лилий
Там побледневшие лежат, —
А розы, розы жить хотят,
Пылая в трепете усилий.

Что нужды в жадной их красе
Октябрьским дням апрельски-чистым, —
Их страсть вопьет кроваво-мглистый
Туман в закатной полосе.

Там небо умерло. Там черный
Вихрь туч мрачнится торжеством
Развеяться над Рождеством
Покровом темным и упорным.

... Как розы, жадны наши души, —
Им бледных лилий чужд покой, —
Огонь бессмертный, вековой
Они хранят в тоске удуший.

Душа в огне, — и мысль в огне...
Слова безлюбых непонятны...
Ты, солнце, в пламенной мольбе
Иным сияниям невнятно.

Ослеплено своим сверканьем
Под аркой пламенной небес,
Одним безудержным желаньем
Горишь: зажечь огни чудес.

Любовь — восторг без перерыва, —
Что может равным стать с мечтой,
Собой пьянящейся красиво?..
... Всю я люблю тебя, друг мой.

Так прекрасны слова ваши были,
— Я помню тот вечер и длинные тени —
Что за слова нас цветы полюбили:
Один из них пал на ваши колени.

Вы говорили, как годы плодами
Тихо созреют, канут в безбрежном,
Колокол рока ударит над нами,
И старому сердцу покажется нежным.

Был голос—объятье,—а сердце билось
Так бестревожно и так спокойно,
Что если б тогда перед нами открылась
Дорога в могилу, мне не было б больно.

БЕЗЧИСЛЕННЫЕ СВЕРКАНИЯ

БЕЗНАСЛЕДНЫЕ
СВЕРКАНИЕ

1906

Так прес
— Я
Что да
Одн
Вн
Тихо
Колок
И ста

*Дорогому и великому
Евгению Каррьеру
на память*

Был голос
Так безтревожно и так спокойно,
Что если б тогда перед нами открылась
Дорога и могила, мне не было б больно.

Избранники

Благоразумные,—на полусклоне гор
Они сидят. Из-за бугров долинных
Извивы бледных волн смущают плавный взор
Благоразумных—тихих, чинных—
Мельканьем тысяч поворотов,
Излучин и водоворотов...
Благоразумные задумчиво следят
За расположенными цепью деревьями
С их недвижимыми, спокойными огнями,—
Работу ежедневную вершат.
И взгляд, спокойный взгляд
Благоразумных не тревожит страх:
Все симметрично, просто в их мозгах.

Благоразумные размерным жестом лени
Отметят все уклоны, все ступени,
И взвешенным путем, тихонько, не спеша,
Плетется, с планами в кармане, их душа...
Совсем другие люди воли,—
Они как будто из неволи
Всегда стремятся дальше, в высь,—
Их жажда—пламенная рысь,—
Их головы полны безумства золотого.
Своя душа—для них закона нет другого.

На самый тихий зов кларнетов черных бури
Ответно бьются их сердца.
Опасный путь—вот радость, без конца
Путь плясок радостных стремится их дух в лазури,
Где недостижимость властно манит, дразнит...
И битва-жизнь для них, как лучезарный праздник...
Где страшно и толпе, там одинок их бег.
Пусть расстилает плотный саван снег,
Слепящий у низины белой очи,
Пусть гребни ветра чешут тучи ночи,
Пусть скрюченностью пальцев
Тиски мороза щиплют путь скитальцев,
Пусть скалы вскроют шлюзы для лавин,—
Не им, не им
Остановить их бег к узорностям вершин,
Которыми их дух всегда томим...

Благоразумные,—под деревянной крышей
Их тусклых комнат ровны голоса.
Восходит солнце светозарней, выше,
Невидное для них, и только полоса
Его лучей ложится через стекла
Бледна и блекла
На их размерный шестидневный труд.
По перелескам бурым из хлопот,
Запутаны в узлы забот,
Они работают спокойно, просто,—ждут
Отдохновенья
В воскресенье,
Когда колокола к обедне позовут.
Придут домой с цветочками в петлицах
И с тихой радостью на лицах.
А вечером трепещущие струи
Вольют в тела их женщин поцелуи,—
И с поцелуями, слегка сопротивляясь,
Их примут женщины, привычно отдаваясь...

А те—другие—прочь бегут низины
Тропинками, висящими над бездной,—вдвжж
От радостной вершины до вершины
За далью звездной.

Благоразумным непонятны, чужды
Безмерно-одиноким... что нужды?
Они откроют там, за краем неба,
Где ни один и самый смелый не был,
Ворота светлые в прозрачную безбрежность,
Куда стремится пылких душ их нежность.
Настанет час, и сквозь ворота эти
Весь мир пройдет, и трудный путь отметит.
Избранники... С душою ясной, смелой,
Их жажде нет конца, их грезе нет предела...
И одиноко
Буйною лавиной
Летит их воля бешено-высоко
В прозрачности пространств за высшею вершиной,
Безумящей ее упорно
Игрой снегов златистой и узорной.

На самой грядущей и неизвестной и неизведанной
Отвечно бьются о скалы...
Опасный путь, да не изведан и не
Путь ясный, да не самый смелый и не
Где ни один не дрогнет и не
И работа светлая и прозрачная и безбрежная
Где страшно и где работа и где
Пусть страшно и где работа и где
Слезины, да не самые смелые и не
Пусть страшно и где работа и где
Пусть страшно и где работа и где
Тиски жороза шипят путь скручивая
Пусть скалы искр...
Восхищайтесь друг другом,
Который и...

Восхищайтесь человеком и землей,
Станет ваша жизнь пылающей и ясной.

Жизнь—восхожденье, а не опусканье.

Сердца людей грядущих, в старый Мир
Приносим мы, пьянясь собой и Миром.

Они работают спокойно, просто, — ждут
Отдохнуть
В воскресенье,
Когда колокола и обедне позовут.
Придут домой с цветочками в петлицах
И с тихой радостью в лицах.
А вечером трислушис струи
Вольют в тела их жизни воду, —
И с поцелуями, слегка соприкасаясь,
Их примут женщины, привычно отдаваясь.
А те—другие—прочь бегут пылью
Тропинками, висящими над бедной,
От радостной вершины до вершины
За далью звездной.

Поселили Азии. Европы города—
Москва, Иркутск, Архангельск, ряд за рядом,
Вы ввысь возносите коров из льда,
Россия бедая горды своим парадом.

Бог весть, что
Калих углей
На жертву
Бить может

Духи земли
И чистоту души
Всечеловечеству страданья
Деля с ним хлеб и соль

Погорстуй велика
Вы—не Сидон,
Вы в веби новое поверили глубоко—
И эдак веры нил у вас нестробна.

Варуг вас грозы, огонь... Но властным содроганьям
Его пламен с милосердыи весть
Несете вы... И вихрь безумства есть
В страданий Ваших: дать ему самосознание.

1916

*Морису Метерлинку
братски*

Для жаркой беседы о вечно-
 Прекрасном искусстве... Лишь месяц назад
 Друг мой, на стал опираясь рукою,
 Здесь спорил со мною.

Вот старое кресло стоит у постели,
 В нем сидивал тот, кто меня утешал,

Поселки Азии, Европы города — Москва,
 Москва, Иркутск, Архангельск, ряд за рядом,
 Вы ввысь возносите короны изо льда, —
 Россия белая горда своим нарядом.

Бог весть, что за огонь воспламеняет вас,
 Каких углей горящие затеи —
 На жертву вас зовут, чтоб в некий грозный час,
 Быть может, жизнь отдать за марева идеи.

Пусть в сердце вашем снег, — под снегом тайный жар!
 И чистоту души несете вы, не споря,
 Всечеловечеству страдающему в дар,
 Деля с ним хлеб и горечи и горя.

Покорствуя великой воле Рока,
 Вы — не Сидон, не Карфаген, не Рим —
 Вы в небо новое поверили глубоко —
 И этой веры пыл у вас неистребим.

Вкруг вас гроза, огонь... Но властным содроганьям
 Его пламен о милосердыи весть
 Несете вы... И вихрь безумства есть
 В стремленьи Вашем дать ему самосознание.

...

...

...

...

...

Северный ветер напрасно стучится в окно,—
В комнате пусто, и заперты ставни,
В ней—полумрак тишины.
Давно,
С начала войны,

Я не живу здесь... Но ветер, друг давний,
Мне шепчет о мертвых, я внемлю,—
О жертвах войны, потрясающей землю.
О, битвы без счета,—свершения Рока!
Над водным простором, высоко-высоко,
По верхнему морю плывут цеппелины,
Забыв про покой и затишье равнины.

В огне беспримерных сражений горят
Митава и Вильна, Кирхгольм, Якобштадт,
И те, чьих имен мне неизвестны созвучья!
О, битвы в траншеях! О, битвы над тучей!

Безумие страха встает, разрастается,
В долинах, вдоль рек, по лесам разливается,
Кровавое, мрачное ввысь по горам поднимается.

С начала войны
В комнате пусто,—там мрак тишины
Я не живу больше в ней...

... Где вы, друзья миновавших и радостных дней?

Не здесь ли, лишь месяц назад,
Мы собирались беспечно
Для мирной беседы о вечно-
Прекрасном искусстве... Лишь месяц назад
Друг мой, на стол опираясь рукою,
Здесь спорил со мною...

Вот старое кресло стоит у постели,
В нем сживал тот, кто меня утешал,
Когда мои мысли и нервы болели,
Когда на постели без сил я лежал.

Где же они?
Одиночество как-то больней
В эти тяжелые дни...
Где же они,
Где же друзья миновавших и радостных дней?

В эти тяжелые дни только один
Друг мой со мною: камин.
Я у камина сижу,
Речи с огнем завожу.
... И словно угли, в немой тишине,
Мысли то вспыхнут, то гаснут во мне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Эмануил Бергарс родился в С. Анне близ Антверпена 21 июля 1893 г. в семье подполковника поезда в Руане 27 ноября 1916 г.

- 1937. Бергарс Э.
- 1938. Бергарс Э. Рассказы (перевод).
- 1939. М. Бергарс Э. Рассказы (перевод).
- 1940. Москва.
- 1941. Ф. Бергарс Э. Рассказы.
- 1942. Бергарс Э.
- 1943. Бергарс Э.
- 1944. Бергарс Э.

Здесь спорил со мною...
Друг мой, на стол опираясь рукою,
Прекрасном искусстве...
Двадцать лет и тридцать дней
Мы сообрались беспрестанно
Да в мирной беседе о войне

Когда на постели без сна в лежал,
Когда мои мысли и нервы болели,
В нем сиял тот, кто меня утешал,
Тот старое кресло стоит у постели

Где же он?
— Одиночество, как топающая ледяная пустыня,
В комнате тини опустошенной
Где жонглирует тень — в ней
Где же друзья мои в счастливых и радостных дней
С начала войны

Я не живу больше в ней
Друг мой со мною: камнями о глоток
О жертвах войны, ужаснейшей
Ряд с отцом завою
... М. слоник улитки в битве
Мысли то вспыхивают от мысли
По верхнему морю плывут пепелки,
Забыв про покой и затихшие равнины

В огне беспримерных сражений горят
Митавы и Вильны, Кирхгольм, Якобштадт,
И те, чьих имен мне неизвестны созвучья!
О, битвы в траншеях! О, битвы над тучей!
Безумие страха встает; разрастается,
В долинах, вдоль рек, по лесам разливаётся,
Кровавое, мрачное ввысь по горам поднимается

С начала войны
В комнате пусто, — там мраком тини
Я не живу больше в ней
Где же друзья мои в счастливых и радостных дней?

Послесловие переводчика

Собранные в этой книге стихотворения возникали у меня при разнообразных обстоятельствах и в различные эпохи (с 1910 по 1918 гг.), что, конечно, и сказалось в отдельных переводах. Мой взгляд на задачи и методы построения переводных стихотворений в течение указанных лет менялся неоднократно, оттого-то часть поэм возникала под знаком возможно большей близости к оригиналу, в то время как в другой части, пленяясь музыкальными разрешениями подлинника, я отдавал предпочтение исключительно инструментовке; когда же встречались поэмы, лирически отвечающие личным моим настроениям, я принимал за основное то, что всегда вкладывает поэт между строк стиха, это трудно уловимое, но многозначимое *silentium*.

Принимая во внимание, что интимная лирика Верхарна (Трилогия часов) в русских переводах представлена весьма незначительным количеством стихотворений, я нашел возможным два цикла часов количественно увеличить до размеров много превышающих остальные, несомненно более значительные циклы. Из наиболее выразительной книги „Черные Факелы“ в этот сборник я включил лишь три поэмы, т. к. полный перевод названной книги выходит в изд. Госиздата одновременно с этим сборником.

Для интересующихся творчеством Верхарна я счел бесполезным ниже привести краткие библиографические даты.

Переводчик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Эмиль Верхарн родился в С. Амане близ Антверпена 21 мая 1855 г.; погиб под колесами поезда в Руане 27 ноября 1916 г.

КНИГИ:

- 1883. Фламандцы.
- 1885. Полночные рассказы (проза).
- 1885. Ж. Гейманс, художник (проза).
- 1886. Монахи.
- 1887. Ф. Кнопф (проза).
- 1887. Вечера.
- 1888. Разрухи.
- 1890. Черные факелы.

- 1891. Края дороги.
- 1891. Явившиеся на моих дорогах.
- 1893. Обезумевшие деревни.
- 1895. Альманах.
- 1895. Деревни привидения.
- 1895. Города спруты.
- 1896. Ясные часы.
- 1898. Зори (драма).
- 1899. Лики жизни.
- 1899. Виноградные лозы моей стены.
- 1900. Монастырь (драма).
- 1900. Вся Фландрия. Маленькие легенды.
- 1901. Филипп II (драма).
- 1902. Буйные силы.
- 1904. Вся Фландрия. Первые нежности.
- 1905. Часы пополудни.
- 1905. Рембрандт (проза).
- 1906. Бесчисленные сверканья.
- 1907. Вся Фландрия. Гирлянда дюн.
- 1907. Франц. Письма в Бельгию (проза).
- 1908. Вся Фландрия. Герои.
- 1909. Джемс Энсор (проза).
- 1909. Елена Спартанская (драма).
- 1910. Вся Фландрия. Города с коньками.
- 1910. Возвышенные ритмы.
- 1910. Рубенс (проза).
- 1911. Вся Фландрия. Равнины.
- 1911. Вечерние часы.
- 1913. Колеблемые нивы.
- 1915. Окровавленная Бельгия (проза).
- 1916. Среди пепла. Опустошенная Бельгия (проза).
- 1916. Разоренные города Бельгии (проза).
- 1916. Красные крылья войны.
- 1916. Высокие пламенники (посмертная).

Умирая Вежхари родился в С. Амане близ Антверпена 21 мая 1855 г.; погребен под колесами поезда в Руане 27 ноября 1916 г.

КНИЖНИ:

- 1883. Фламандцы.
- 1885. Поздние рассказы (проза).
- 1885. М. Тейманс, художник (проза).
- 1886. Монахи.
- 1887. Ф. Клофф (проза).
- 1887. Вестра.
- 1888. Разлука.
- 1890. Первые рассказы.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Вечера	
На паперти	5
Мука	6
Без конца	7
Усталость	8
Разрухи	
Завершение	11
Меч	12
Зимняя пора	13
Мольба	15
Какая грусть	16
Черные фанелы	
Женщина в черном	19
Вечер	23
Книги	24
Края дороги	
Занавески	31
Ноябрь	34
Деревни привидения	
Снег	37
Кузнец	39
Пылающие стога	44
Обезумевшие деревни	
Песня сумасшедшего	47
Лопата	49
Декабрь	52
Песня сумасшедшего	54
Города-спруты	
Душа города	57
Революция	61
Гуляющие	66
Ясные часы	
Наша любовь, осиянная	71
В наш молчаливый незабвенный час	72
Мое былое—жестокость мысли	73
Открытое небо ночное	74
Смотрю я на тебя, мою родную	75

Как дитя, я даю тебе сердце.	76
Как я страдал... И в тишине.	77
И ни сомнений, ни затей.	78
Со взглядом взгляд скрестился чудно	79
Глаза твои, по-летнему сияющие	80
Если душа отдана,—не прекословь.	81
Прекрасен сад, расцветший огоньками	82

Виноградные лозы моей стены

Вечерний час	85
Та, что о странствиях	87
По краю воды.	93

Часы пополудни

Не так живы глаза	97
Июньские розы.	98
Других цветов полны сады.	99
Светлеют тени	100
Здравствуй, подруга	101
Друг мой, баюкай меня	102
Приятный труд.	103
Наша да будет любовь.	104
Вот лампа зажжена	105
Свинцовый день настал	106
Бывают дни	107
Это было в Июне.	108
И нас томит порой тоска.	109
Ладьи сверкают летним златом.	110
Душа в огне.	111
Так прекрасны слова ваши были.	112

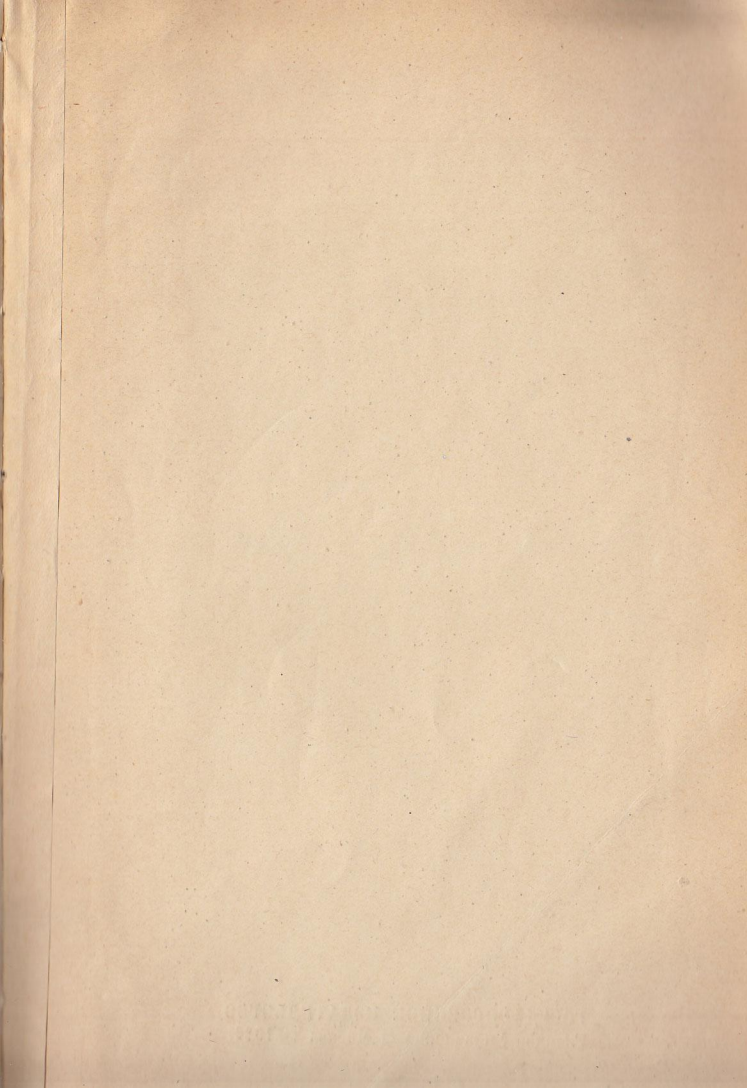
Бесчисленные сверканья

Избранники	113
----------------------	-----

Красные крылья войны

Россия.	121
Моя комната.	122

123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140	141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200
-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Главное Управление □ Москва □ 1922.